

Надежда
Чернова

КАЗАЧИЙ КРУГ

Эссе

Ищу себя в столетьях и мгновеньях,
В народах многих, в сонме языков.
Минувшее моё мелькает тенью
В мирах небесных, в громе облаков...

ПОД КРАСНОЙ СОСНОЙ

...Я сидела на высоком, обрывистом берегу **Иртыша**, на орлином когте могучего корня, под Красной Сосной. За спиной – прямые мачтовые сосны, юные и столетние. Реликтовый ленточный бор, который помнит доисторические времена. Он тянется и к горам Алтая, и к Ледовитому океану, вплетаясь в сибирскую тайгу. Резко пахло живицей. На чешуйчатых красных соснах наросли «янтари». В детстве мы жевали эту горьковатую смолу и называли её «серкой». От «серки» зубы у нас вырастали крепкими.

Всё это я видела в своём воображении, потому что на самом деле сидела за письменным столом, у компьютера. **Воображение – благодать, подаренная нам Природой.** В воображении можно находиться всюду, где захочешь. Я – сидела под Красной Сосной, в бору, на берегу Иртыша, как когда-то давно, в детстве, и созерцала чудесные картины.

На другом, пологом берегу простиралась **Великая степь**, уходящая в небо. Оттуда, из глинобитных аулов, прилетали терпкие запахи полыни, кизячного дыма летних печек, кислого айрана, который отлично утоляет жажду в июльский зной. Говорят, айран придумали в горах Карачаево-Черкесии, а мне кажется, родина айрана – азиатские степи, и на Кавказ он попал с кочевниками. Было жарко. Песок слепил глаза кварцем – его со Степи нанесло в лес, на прогалах высились дюны. Низко над степью клубились облака, задевая ватными брюхами землю. Полдень! И вдруг мелькнули красные полосы – вылетели из облаков люди в шапках с лисьими хвостами. Припадая к гривам шерстистых коней, они мчались по пескам. **Кочевники!** Пролетели вихрем – и растаяли в небе. Ещё сильнее за клубились, забурлили облака. Внезапно, как только в Степи бывает, сверкнули молнии, гром прокатился над землёй – и вылетели из облаков новые всадники.

Кони их были золотой масти, тонконогие, с нервными ноздрями. Всадники прямо сидели в кабардинских сёдлах, не отклоняясь от налетевшего из степи ветра. Высверками молний блистали их вскинутые к бою сабли. **Кзаки!** Промелькнули и тоже канули в небо, а следом – обрушился ливень. Надо было спасаться.

Я вообразила шалаш неподалёку, оставленный рыбаками, и побежала туда, и спряталась. Травяной ковёр, которым был выстлан пол в шалаше, ещё не утратил духмяного аромата засыпающих трав, и даже ленивая бабочка млела на поникшем цветке клевера. Она встрепелулась от моего вторжения, но тут же успокоилась и продолжала дремать вместе с травой, которая вытянула свои длинные стебли, будто уставшие ноги. Я тоже прилегла рядом, свернулась калачиком, угрелась. Поза эта наследуется нами, наверное, как воспоминание о теплом чреве матери. Я снова вернулась туда, в материнский космос – в этом шалаше, на круглом островке мироздания, окруженном великими водами первожизни. Так я воображала себе.

А внизу, под обрывом, бушевал Иртыш, разбуженный страшной грозой. Он глотал облака, он смешивал небо с землёй, он смывал мои чудесные видения. Он рокотал вечными строками Державина:

Река времён в своём стремленье
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остаётся
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрётся
И общей не уйдёт судьбы!

Эти восемь строк – начало «Грифельной поэмы». Умиравший Державин начертал их на аспидной, грифельной доске, но закончить не успел: стило выпало из ослабевших старческих пальцев. Его узкие татарские глаза померкли. Строки жили, пока не осыпался мел, пока не опустела аспидная доска...

Поэт прав: всё пожирается жерлом вечности, всё уносится рекой времён. Всё, да не всё! Он сам писал когда-то: *«Врагов моих червь кости сглохнет, / А я пшит – и не умру... / В могиле буду я, но буду говорить...»*; *«Бессмертие – стихия наша, / Покой и верх желаний – Бог!»*

Остаётся **воздух Поэзии**, в которой дыхание Бога. Остаётся память, «записанная» в крови рода. Остаётся твоё «Я», созданное из любви многих поколений и многих народов. Мы снова и снова, с каждым новым своим рождением, **ищем это «Я» – ищем себя**, как недостающую ноту в стройной музыке небесного Творца. Он продолжает её сочинять, не прерываясь ни на мгновенье.

Поэзия, словно симпатические чернила, проступает сквозь стёртые слова, сквозь осыпавшиеся строки, горит огненными знаками на небесах, витает в мирах, заряженная магической энергией народа-поэта. **Поэзия** становится нашим духовным бытием, нашим дыханием.

Аспидная доска опустела, а музыка державинских строк осталась. Ядро этих строк, вулканическое, животворящее, пребудет в мироздании и после того, как не станет Человечества, если это однажды случится. **Дух нетленен**. Река времён течёт у ног людей, а Поэзия, а Дух – парят во Вселенной. **«Дух дышит, где хочет»** – сказано в Священном Писании. И в этом видел Державин победу

над временем, которое свивается спиральным лабиринтом, которое совмещает прошлое, настоящее, будущее, а как называется это наше одновременное существование во всех временных измерениях – нам неизвестно, но мы – везде, только надо **найти себя**.

Стрелы молний летели в мою Красную Сосну – и отскакивали от неё. Иртыш ревел под обрывом. Волны яростно бились друг с другом, будто они – не одна река, будто у них не один путь – к океану. И вдруг всё кончилось – внезапно, как и началось. Я вылезла из шалаша. Кто-то незримый властной рукой отодвинул завесу ливня, перебросил её за горизонт, и там, на краю Степи, повисли в небе тёмные косые полосы, а над рекой, над дымящимся, как остывающий вулкан, лесом вспыхнуло солнце – жёлтым беркутиным оком. И в ответ грянули птицы! В их звонких руладах – восторг, ликование жизни. Так, наверное, бывает, когда кончается большая война. Живые!

Я новыми глазами глянула на высокую, сильную сосну, которая устояла под грозой, под стрелами молний. Я увидела в ней **Древо Жизни**. В русских преданиях Древо Жизни – Дуб, у казахов – Тополь-Байтерек, а у меня – Красная Сосна, любимое дерево моего детства.

Под Древом Жизни старцы рассказывали былины о прошлых, сказочных временах, о страданиях людей и подвигах **богатырей-батыров-багатуров**, о великой любви и великой печали, о мистических небесных видениях и родословии предков. И мы, войдя в старческий возраст, тоже должны рассказывать. Так, под Красной Сосной, на берегу Иртыша начала я сочинять моё эссе.

* * *

Великий степной поэт **Абай** на краю жизни тоже решил писать своего рода эссе, но, конечно, неизмеримо более глубокое, масштабное, чем у меня: у него – философский труд, наставление народу, а у меня – очерковые записки локального значения.

Вулканический огонь его гения раздвинул Землю и воздвиг литературную скалу, вершина которой уходила в Небеса. Это была пронзительная по откровениям, безжалостная к человеческим порокам, полная сердечной боли, едкословная книга назиданий **«Гаклия»**. По сути, в книге своей он вёл разговор с самим собой и Небесным Творцом, где с детским упорством спрашивал: **«Почему, почему, почему?»**, но вопросы были не детские.

«У нас, у казахов, нет плохих среди мёртвых и нет хороших среди живых.

Почему? (...)

У нас хорошего человека из чужого рода называют светилом, а своего хорошего человека не признают.

Еще раз спрашиваю: почему так?»

Почему, почему, почему...

Ему было чуть больше пятидесяти, но он чувствовал себя стариком: в то время быстро старели. Он уже изрядно устал бороться с миром людей, грешным и несовершенным, да к тому же болел: прихватывало сердце, но он уговаривал боль – надо было писать! Работа продляла жизнь. Размышления были целительной медитацией, не давали сойти с ума. Он накопил столько житейских наблюдений и неразрешённых вопросов, что они требовали выхода, воплощения

в Слове. Ни на что другое сил уже больше не осталось. За стенами зимовки басовитой струной шан-кобыза гудел ветер, в окне – волнистые очертания синих **Чингисских гор**. Как он их любил! Но больше любил Степь – там столько воздуха, свободы, простора! Этим воздухом наполнял он свои поэтические строки, но теперь его клонило к прозе, как и **Пушкина** на закате короткой жизни, превращенной так нелепо и трагически: *«Лета к суровой прозе клонят...»*

Помолившись, взял в руки перо – и отложил. Одолевали сомнения, снова тревожа сердце: нужны ли кому-то его Слова? Не стучится ли он в закрытую дверь? Сомнения – неотъемлемая и болезненная часть творчества. Сомнения сжигали поэта. Наконец он нашёл в себе точку опоры для **Первого Слова**: *«...Если найдётся человек, который увидит здесь нужное для него слово, то пусть выпишет слово и сделает его делом; если же никому не нужны мои слова, то пусть они останутся словами. Так я решил, на этом остановился, и теперь нет у меня иного занятия, кроме этого писания...»*

* * *

...И у меня теперь нет иного занятия, кроме моего «писания», которое, может, и не стоит ничего, и потому грызут сомнения: нужны ли кому-то мои «Слова»? Не выкинут ли оцифрованные потомки эти записки в мусорку, как отживший хлам? И я несколько раз бросала писать. Но какая-то неодолимая сила заставляла меня вернуться под мою Красную Сосну. И я продолжала эссе, всё время оглядываясь на Пушкина, на Абая и на других гениев минувших веков. Продолжала, может, потому, что они – увы! – уже никогда не напишут о нашем времени – это должны сделать мы.

Начало нового, XXI века – время биографий, сохранения родовых корней и семейных ценностей, когда мир стремится к распаду, к самоуничтожению, когда стирается человеческая личность: нет национальности, нет пола, нет родины. Биороботы! Это и время осмысления недавнего XX века, очевидцами которого было моё поколение. Это и близкое для нас дыхание века XIX – тогда родились наши бабушки и деды, которые рассказывали нам о своём времени, а им – их старики рассказывали о веке XVIII: он был для них такой же близкий и живой, как для их предков – XVII и XVI века. Это долгая перспектива исторической памяти, которая уходит в глубь столетий, к сакральным истокам человеческого рода. В судьбах, в историях нашей родни отражена большая История. У каждого из нас своё видение и большой Истории, и семейных преданий. Мир многогранен, и каждый из нас – новая, неповторимая «грань» в калейдоскопе Всевышнего, каждый видит свою «грань», потому труд мой изначально обречён на спор, но я уже начала, уже сказала своё первое «Слово», а там – как Бог даст!

ОСТРОВА ПАМЯТИ

Жеребёнок идёт по следам аргамака.

Казачья пословица

Острова памяти... Острова, которые оторвались от материка, нам неведомого, и дрейфуют в океане Вечности. Мы живём на этих островах Памяти, вглядываясь в дымку необозримых далей, угадывая по звёздам, по следам прошлого **дорогу**

к себе. И у меня есть свой остров. Климат на моём острове резко континентальный: то дожди, то ведро, то смерчи и ураганы, то ослепительное, дикое солнце, как и характеры казаков, ведь я казачка. **Мои заметки – о казаках Евразии, о моём казачьем роде, но и о многом другом. Об отшумевших временах. О тревожной современности.**

Скажу сразу: я не историк, не летописец казачества, не учёный-родословец. Я писатель, и потому, включив воображение, попытаюсь в прозе и стихах реконструировать наше казачье прошлое – так, как я его увидела: через некоторые исторические сведения и художественную литературу, через известное мне **Родословие моей матери**, сибирской казачки с тюркскими и кавказскими кровями – она многое успела мне рассказать, через рассказы других казаков.

Возможно, **мои казаки** не будут похожи на ваших, но я их представляю именно такими, вспоминая родителей, бабушку с дедом – с их неповторимым языком; тётушек – громкоголосых, ярких, своенравных, и другую родню. XX век ушёл вместе с нашими стариками, и некого больше спросить о нас, кроме книг, потому хочется сбересть те **крупницы родовой памяти**, которые передали нам наши близкие.

Пушкин укорял современников, что они ленивы и нелюбопытны не только к истории своей страны, но и к истории своего рода, исчисляя времена от себя, сосредоточившись на своём тщеславии. В стихотворении «**Родословная моего героя**» он пишет с горькой усмешкой: «...И нужды нет вам никакой / До вашей книги родовой. / ...Вам всё равно. Конечно, так: / Вы презираете отцами, / Их славой, честью, правами / Великодушно и умно; / Вы отреклись от них давно / Прямого просвещения ради, / Гордясь (как общей пользы друг) / Красою *собственных заслуг*, / Звездой двоюродного дяди, / Иль приглашением на бал, / Туда, где дед ваш не бывал...»

Эта пушкинская горечь обжигает и сегодня. Увы! Люди меняются мало. Но наступает момент, когда нужна спасительная нить, чтобы выжить, или обрести смысл жизни, духовную опору, и **опора эта – в нашей семье**, в памяти нашего рода, в предках, которые, незримые, всегда рядом – стеной стоят! Великой стеной, уходящей в бесконечность, неприступной крепостью. Казаки строили свои крепости-форпосты на земле, построили и на небесах. Они помогают нам из своей запредельной обители, укрывают за стенами своей любви.

* * *

Мужская ветвь рода сибирских казаков Бутаковых (*по нашему деду Павлу*): Степан Бутаков – Пётр Степанович – Михаил Петрович – Андрей Михайлович – **Павел Андреевич** (наш дед).

Мужская ветвь рода сибирских казаков Яковлевых (*по нашей бабушке Татьяне*): Андрей Яковлев – Евграф Андреевич – Гавриил Евграфович. У Гавриила, из бедной казачьей семьи, было много детей, в их числе – дочь **Татьяна Гавриловна** (наша бабушка). В 1913 году она вышла замуж за богатого казака, есаула **Павла Андреевича Бутакова**. Свекровь, **Домнина Дмитриевна**, её не приняла, мытарилась всю жизнь. Плачущая Таня бежала к матери, **Параскеве**, подхватив детей, но мать всякий раз отправляла её назад: «Вышла взамуж – терпи! Там теперь твой дом!»

У Павла с Татьяной родились дети: Екатерина, Калисия, Виктор (Вениамин), Маргарита (Агрипина), Михаил (мой крёстный), **Линаида (моя мама)**, Таисия, Анатолий (умер младенцем в голодомор 30-х гг.), Тамара, Вера.

Вениамин и Михаил Бутаковы – настоящие казаки, герои Второй мировой войны: Вениамин служил в полковой разведке, ходил в тыл врага и взял немало «языков», Михаил удержал высоту, хотя остался один, все его товарищи погибли.

Бутаковы и Яковлевы укоренились в казахстанском Прииртышье в 30-е годы XIX столетия, селились и до этого, а в Сибири они появились в XVI веке. Мои предки в Сибирь откуда-то пришли. Откуда? Или жили там всегда среди азиатов-сибирцев, и сами были кочевниками, были батырами, ведь в роду Бутаковых многие рослые, большие? В этом я тоже буду разбираться.

Нрав свой сибирские казаки переняли от вольной Степи и могучего Иртыша. Степняки говорят: **«Иртыш – река свободы»**. Так и есть! Но много в нашем характере и от других земель, других народов. Река нашего рода, омывающая острова Памяти, широким своим стрежнем захватывала потоки попутных родов, текла вместе с ними одним руслом и снова разветвлялась рукавами-бутаками. Широкая эта река, слава Богу, не иссякает. Многоязыкая изначально, она вылилась в русскую речь и утвердилась в ней.

Жители моего острова дышат **воздухом Поэзии**, потому так много стихов и поэтов будет в моих заметках, ведь прошлое, чем дальше отодвигается от нас, тем всё больше окутывается поэтической дымкой. Память, даже самая горькая, поэтична.

* * *

Я рассудила так: дольше всего память держится в крови и языке, то есть в характере и облике, в родовых мифах, преданиях, побывальщинах, легендах, притчах, былинах, в песнях, сказках, сказах и побасках, дошедших до нас, и надо опираться на них. *«Слово, прошедшее сквозь тридцать зубов, дойдёт и до тридцати родов»* – говорят в Степи. **Предания, легенды – это тоже корни**. В преданиях и легендах как бы «законсервирована» память веков, память рода, народа. Земли. Память, облачённая уже в поэзию, духовно переработанная, получившая оценку поколений. Легенда, притча, песня, предание легче передаются из уст в уста, запоминаются, они более живучи, нежели исторический факт, нередко искажённый в угоду существующей идеологии. В легенде, в предании хранится, быть может, **Код Вечности**.

«Легенда не ошибается, как ошибается историк, ибо легенда – это очищенная в горниле времени от всего случайного, просветлённая художественно до идеи, возведённая в тип сама действительность», – так говорил православный философ **Флоренский**.

«...Старина всегда и для всех хороша: старым как быть, молодым как сказка», – считал сибирский **казак**, писатель **Георгий Гребенщиков**.

А вот римский историк **Корнелий Тацит**, для которого характерно тщательное обращение с историческими фактами, писал: *«Ведь старина, вымысел и чудесное называются мифами, история же – будь то древняя или новая – требует истины, а чудесному в ней нет места или оно встречается редко...»*

Но всё же и строгий Тацит допускал, что «чудесное» – встречается. Народные предания как раз относятся к тому «чудесному», что не в силах отрицать даже

сухая историческая наука. Мне кажется, тут интересен диалог между легендами, народной памятью – и научными фактами, и в этот диалог я собираюсь включиться.

В контексте исторических и литературных источников, через судьбы моей родни, кровно связанной с Великой степью и Кавказом, её нравы и обычаи, её предания, легенды и песни, а также язык хочу я разглядеть **казачий круг** – далёкий и близкий. **Хочу найти себя в веках и народах.** Хочу дописать наше Родословие.

ОТКУДА ПОШЛИ КАЗАКИ?

Степь да степь кругом,

Путь далёк лежит...

Русская песня

Путь Сибирского казачьего войска – это долгий путь казачества, это путь нашей крови, и чтобы понять себя, надо пройти вместе с казаками этот путь. Какой он? *«Караван подтянется только во время пути»* – говорят в Степи. Так что в путь!

Меня интересуют те исторические события и личности, которые были сопричастны **казачеству Евразии**. В центре моих поисков – **Великая степь** и те народы, что населяли её и стали частью нашего казачьего круга. В центре – **Горькая линия**, и ещё ближе – моё **родное Прииртышье**: Павлодар, Баянаульская станица, где я родилась, Семипалатинск, где жила долгие годы, а также **Семиречье**, где живу сейчас, и куда в XIX веке из Прииртышья ходили служить мои предки, сибирские казаки – они и построили сначала крепость, а потом и **город Верный**.

На территории Казахстана находятся три казачьих войска: **Уральское**, **Сибирское** и **Семиреченское** (как часть Сибирского), но я коснусь и других казачьих войск, поскольку все они связаны друг с другом. Это единое братство. В центре моего путешествия по временам и народам – **Евразия**: её жители, её история, её легенды.

* * *

Начну издалека, с первоначальных казаков. О них пишет **Александр Ялфимов**, потомственный уральский казак, ревностный хранитель языка и культуры казаков, в своём историческом романе *«Живите, братцы, пока Москва не знает»*. Здесь Москва – как средоточие власти и продолжение поговорки: *«Узнает – плохо будет!»* Среди старых казаков до сих пор неприязненное отношение к «москалям», хотя прошли века: **«москалии»** отняли волю! Мать одной нашей родственницы, казачки с Дона, даже слышать не хотела о зяте-москале, матросе Антоне с Азова. Пришлось влюблённой девушке бежать с ним. Вместо материнского благословения получила она проклятие и отлучение от отчего дома в станице Натальевке.

Ялфимов устами старика рассказывает юнцу легенду о происхождении казаков (заодно послушаем и яицкий казачий говор, который немного, да отличается от говора сибирских казаков): «А ты знаешь, сынок, **отколь на Руси казаки повелись?** Не знаешь, а вот послушай-ка. Ране, давным-давно, жили

они по берегам Белого моря. Москва их, слава Богу, не знала, и оне горюшка не знавали. Дичинку били, рыбу ловили, по морям плавали. А тут, бак, Москва прознала о них, о вольных человеках, и тут же воеводу прислала. А поморы ему бают: “Бй, ты што за прыщ? Мы таких сроду не терпели!” Размотали яво ды в воду. Но плетью обуха не перешибёшь, сынок. Волю сбергая, сели поморы на струги и **ушкуи**, айда по воде стястия искать. По Волге да Днепру плавали, на Чёрном море, Хвалынь-море промышляли. Ну, шарпали маненько, а как жить-то? Да правду сказать, все тогда друг дружку грабили. А **потом на Яик сплыли**, шибко пондравилось. Вода. Воля. Простор. Воевод за нет – нет. Ты, может, думышь, я на Яике в первый раз? Нету, сынок, бывал да бывал...»

В летописях XV века поморы-ушкуйники ещё есть, но появляется и новое название – **казаки**, а до них при старых князьях – на подступах к Киеву-граду стояла богатырская застава под водительством **атамана Ильи Муромца**. Младшим среди них был **есаул Алёша Попович**. В былинах так и говорится: «*атаман*» и «*есаул*».

Обратимся теперь к **Николаю Васильевичу Гоголю**, его повести «**Тарас Бульба**», которую мы знаем со школьной скамьи, заучивали наизусть: «Нет уз святее товарищества», но вряд ли тогда вчитывались в историю казачества, обращали внимание на казачий характер, сравнивали себя с гоголевскими казаками. А написан этот характер так точно и красочно, так беспощадно и восторженно, взлетая до небес в пафосе своём и повергая в прах дикий XV век, когда **на острове Хортица**, посреди Днепра возникла **Запорожская Сечь** – маленькое государство со своими законами и армией, с демократической формой правления: важные вопросы Сечи решались на круге всем казачьим сообществом, справедливо распределялись и богатства. **Казачий коммунизм!** Можно сказать, девиз «*Свобода, равенство, братство*» действовать начал ещё там.

Да вот пример – вычитала у историка **С. М. Соловьёва**.

Когда один из царских послов, **Благов**, отправился к турецкому султану для мирных переговоров, а ехал через самовольно захваченные казаками земли, то вступил в дипломатические переговоры и с казачьим кругом, дабы упросить казаков не трогать турков и вообще покориться царю, перестать разбойничать: мол, при посольских людях имеется царский Указ с такой просьбой, требует царь и отпустить пленных турок на их родину, а к Указу прилагаются царские подарки: самые лучшие – бóльшим, именитым казакам, а те, что поплоче, – ме́ньшим, простым. На что казаки ответили послу, что у них нет бóльших и ме́ньших – у них все равны, и всё распределяется поровну. Узнали казаки, что в Указе говорилось ещё о том, чтобы послы выменяли у турков только знатных русских пленников на золото, а туркам вернули их пленных, которых удерживали казаки. Это казаков возмутило. Они отобрали у посла золото, порох и селитру. Донского атамана из татар, что пришёл, собака, с послом уговаривать вольных казаков покориться царю, посадили в чан с водой перед посольским шатром, а потом напали на Азов, вызволили русских и взяли в плен ещё 130 турков, а турчанок охватили пылкой любовью, умножая **тюркско-казачье население земли**. **Гоженок** (т. е. пригожих) взяли в жёны.

*Будет биться дикой лебедицей
Из гарема взятая жена.*

*Полонянка, что тебе не спится? –
 Под шатром казачьим не до сна!
 Тёмной страстью полыхают очи,
 И подобна гибели любовь.
 У детей твоих глаза, как ночи,
 И казачья, бешеная кровь.
 Ходят кони дикие по полю,
 Что не знали ни узду, ни плеть.
 Тяжкий выбор: вырваться на волю,
 Или здесь, в плену любви, сгореть...*

Может, потому, что в **Турции** со времён казачьих походов, и ещё раньше – с тесного общения Руси с Византией, через одного «наши» люди, я люблю смотреть по TV турецкие сериалы. Мои культурные друзья фыркают: «Фу! Как ты можешь это смотреть? Это же хуже, чем индийское “мыло”!» А я – смотрю, и турки вызывают у меня родственные чувства.

На **острове Хортица** посреди Днепра, свободном от официальных властей, ковались вольнолюбивые и дерзкие казачьи характеры, что через поколения передались нам.

Гоголь пишет:

«...**Это был один из тех характеров**, которые могли только возникнуть в тяжёлый XV век на полукочующем углу Европы, когда вся южная первобытная Россия, оставленная своими князьями, была опустошена, выжжена дотла неукротимыми набегами монгольских хищников; когда на пожарищах, в виду грозных соседей и вечной опасности, селился он, привыкал глядеть им прямо в очи, разучившись знать, существует ли какая боязнь на свете; когда бранным пламенем объялся древле-мирный славянский дух, и **завелось козачество – широкая, разгульная замашка русской природы**, – и когда все поречья, перевозы, прибрежные пологие и льготные места усеялись козаками, которым и счёту никто не ведал, и смелые товарищи их были вправе отвечать султану, пожелавшему знать о числе их: “Кто их знает! У нас их раскидано по всему степу: что байрак, то козак”. (Что маленький пригорок, там уж и козак). Это было, точно, необыкновенное явление русской силы: его вышибло из народной груди огниво бед. Вместо прежних уделов, мелких городков, наполненных псарями и ловчими, вместо враждующих и торгующихся городами мелких князей возникли грозные селения, курени и околицы, связанные общей опасностью и ненавистью против нехристианских хищников. **Уже известно всем из истории, как их вечная борьба и беспокойная жизнь спасли Европу от неукротимых стремлений, грозивших её опрокинуть.**

(...) Это не было строевое собранное войско, его бы никто не увидел; но в случае войны и общего движенья, в восемь дней, не больше, всякий являлся на коне, во всём своём вооружении, (...) и в две недели набиралось такое войско, какого бы не в силах были набрать никакие рекрутские наборы. Кончался поход – воин уходил в луга и пашни, на днепровские перевозы, ловил рыбу, торговал, варил пиво и был вольный козак. Современные иноземцы дивились тогда справедливо необыкновенным способностям его. Не было ремесла, которого

бы не знал козак: накурить вина, снарядить телегу, намолоть пороху, справиться кузнецкую, слесарную работу и, в прибавку к тому, гулять напропалую, пить и бражничать, как только может один русский, – всё это было ему по плечу. Кроме рейстровых козачков, считавших обязанностью являться во время войны, можно было во всякое время, в случае большой потребности, набрать целые толпы охочекомонных: стоило только есаулам пройти по рынкам и площадям всех сёл и местечек и прокричать во весь голос, ставши на телегу: “Эй, вы пивники, броварники! Полно вам пиво варить, да валяться по запечьям, да кормить своим жирным телом мух! Ступайте славы рыцарской и чести добиваться! Вы, плугари, гречкосеи, овцепасы, баболюбы! Полно вам за плугом ходить да пачкать в землю свои жёлтые чоботы, да подбираться к жинкам и губить силу рыцарскую! Пора доставать козацкой славы!”

И слова эти были как искры, падающие на сухое дерево. Пахарь ломал свой плуг, бровари и пивовары кидали свои кади и били бочки, ремесленник и торгош посылал к чёрту и ремесло и лавку, бил горшки в доме. И всё, что ни было, садилось на коня. Словом, **русский характер получил здесь могучий, широкий размах, дюжую наружность**».

* * *

Самый знаменитый запорожский казак XX века, которого узнал весь мир, – борец-богатырь с «*дюжей наружностью*» **Иван Поддубный**: он положил на лопатки и Европу, и Америку. Его звали русским медведем. Он стал символом могучей и непобедимой России. Мог бы остаться на сытом Западе, разбогател, но не принял западной жизни с её жаждой наживы и лживым нутром, бросил всё и бежал в Россию, к себе в станицу, по которой тосковал. В борцовских поединках участвовал до 75 лет. В одном из американских банков до сих пор хранится его невостребованный капитал. Чтобы его получить, Поддубный должен был ещё два года оставаться на чужбине, выступать на ринге – так было записано в контракте, но у нашего казака уже не оставалось мочи продолжать бессмысленную битву: он хотел домой! Да и если бы получил заработанный капитал, то когда отплывал в Россию – в 1926 году, на границе доллары отобрала бы советская таможня. Иван особо не переживал: он привык к простой русской жизни, к понятному и справедливому казачьему порядку. Прибыв в родную станицу и отгуляв с роднёй и станичниками своё возвращение, Иван отправился с семьёй на сенокос, и не было для Ивана большего счастья, чем широкий размах косы, запах срезанных трав, огромное небо над степью, простор русского поля. Дома!

* * *

Тесно было гоголевскому казаку на днепровских перевозах да в донской степи. Пошёл он гулять по свету, подняв знамя православной веры. «*Всё это внесено в летописные страницы*, – подчёркивал Гоголь историческую достоверность своего повествования, продолжая рассуждать **о природе казачьего характера**: – ...Известно, какова в Русской земле война, поднятая за веру. Нет силы сильнее веры. Непреоборима и грозна она, как нерукотворная скала среди бурного, вечно изменчивого моря. Из самой середины морского дна возносит она к небесам непроломные свои стены, вся созданная из одного цельного,

сплошного камня. Отвсюду видна она и глядит прямо в очи мимобегущим волнам. И горе кораблю, который нанесётся на неё! В щепы летят бессильные его снасти, тонет и ломится в прах всё, что ни есть на нём, жалким криком погибающих оглашается поражённый воздух!..»

Так патетически восклицает Гоголь, который когда-то писал стихи и, как вы помните, даже свою сатирическую книгу «Мёртвые души» назвал поэмой. Но, кроме поэзии казачьего духа, била, конечно, через край и суровая проза – когда казак шёл в поход просто от скуки обыденной жизни, где не было места подвигу, от избытка молодецкой силы, подогретой горилкой. И хотя во время военных походов пить запрещалось, но ужас боя и близкой смерти во все эпохи заставляли мужчин укрощать безотчётный, животный страх: викинги жевали «пьяные» мухоморы, в Средней Азии басмачи перед атакой натирали ноздри коней опиумом, сами же накуривались анашой, красным бойцам Отечественной войны выдавали фронтовых сто грамм для храбрости, а запорожские казаки, тайком от атаманов и есаулов, пили горилку.

Гоголь рисует картины небывалой, изощрённой жестокости – в ответ на жестокость врага. **Натурализм гоголевской повести зашкаливает.**

Воевать казак умел, и воевал героически – если была война: против ляха, турка, татарина и прочих, неизменно побивая противника; ходил в походы, и чтобы отбить у супостатов взятых в плен русских людей, а заодно прихватить экзотичных восточных красавиц, и жениться на них, и наплодить новых казаков. Но когда войны не было – казак просто разбойничал, дабы не потерять боевую сноровку, и, по обычаям того времени, жил с разбоя, как жили и его соседи – татары, турки, ляхи и прочие, притесняя русских. Всё по старой поговорке: «*Вор у вора дубинку украл!*» В Степи тоже есть подобная присказка: «*Разбойник вора обобрал*». Тогда же, наверно, и кличка появилась: «Казак-разбойники». Она и теперь живёт, став названием детской игры.

Гулял казак, махал шашкой, играл пикой, грозил кистенём! Московские земли тряс, топтал своей конницей татарские улусы и горные аулы, нёсся на челнах и стругах по Волге до Хвалынского моря, к персам и туркменам, жил никому не подвластной вольницей. Не только разбой и удаль поднимали в поход казака, но и любопытство – к иному укладу бытия, к новым землям, и многие казаки – землепроходцы, через Сибирь дошедшие и до Китая, и до Америки. У кочевников-казаков кругозор был гораздо шире, чем у «москалей», весь век сидящих на печи, на девятом кирпичи, правда, печи были самоходными, но далеко не уезжали: какой-нибудь Емеля съездит на печке до реки, поймает щуку, загадает желание о богатстве, и если щука желание не исполнит – сварит из неё уху. Вот и все развлечения!

Волшебные щуки из русских сказок – не выдумка. В давние времена на одном из озёр костромской земли затонул кораблик с золотом, и с тех пор стали рыбаки иногда вылавливать шук, проглотивших золотые монеты и украшения. В Костроме потом развернулось даже ювелирное производство, работавшее с золотом.

Сидели Емели на берегу да ждали халявное богатство, а подвижные казаки в своих походах видели другие земли, другие народы, от которых набирались

премудростей, а не только разбойничали. Однажды сделали даже важное археологическое открытие – нашли знаменитый «Тмутараканский камень», который ныне хранится в Эрмитаже. Два века вокруг него велись научные споры, пока не был вынесен вердикт: камень подлинный!

ТМУТАРАКАНСКИЙ КАМЕНЬ

А дело было так. В конце 90-х годов XVIII века **полковник А. А. Головатый** отправился из Петербурга за Буг вербовать **казаков-поселенцев** для новых земель и привёл их в **Тамань**, где они стали обустраиваться. Камень для строительства поселения брали с руин старой турецкой крепости – и наткнулись на мраморную доску желтоватого цвета: такой мрамор водился в Греции, на берегу Эгейского моря. На доске была высечена надпись древнерусской вязью, прочитать которую никто не смог – так её размыло время. Случилась находка 25 августа 1792 года. Сначала казаки такой хороший камень положили вместо порога у дверей своей казармы, но тут **майор Розенберг** и **казачий бригадир Пустошкин** стали думать, что камень-то, чай, не простой, и надо бы его показать учёным людям. Головатый уже покинул Тамань, и посоветоваться было не с кем. Тогда погрузили камень на корабль «Панагия Апотуменгана», и Пустошкин повез его в Таганрог, чтобы отдать **вице-адмиралу Н. С. Мордвинову**, но вице-адмирала не оказалось на месте. Тогда корабль двинулся дальше, в Севастополь. На Севастопольском рейде корабль бурей был сорван с якорей и угнан в Константинополь. Только весной 1793 года судно вернулось в Севастополь, а уже оттуда камень был доставлен в Николаев, где в то время находился Мордвинов. У Мордвинова камень увидел **войсковой дьяк премьер-майор Г. Егоров**, который по приезде в Петербург рассказал о камне с надписью графу **Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину** – большому любителю старины и собирателю древностей. Это Мусин-Пушкин открыл «Слово о полку Игореве», и, ясное дело, он весьма заинтересовался «Тмутараканским камнем», который был доставлен в Петербург. К расшифровке надписи подключился академик **П. С. Паллас**, путешествующий в то время по России. Он и к нам, в казахские степи заглядывал, бывал в Семипалатинске, и, конечно же, в его передвижениях по опасной Степи сопровождали Палласа **вооружённые казаки Горькой линии**. Паллас обнаружил в окрестностях Семипалатинска редкостного зверька, которого назвал поначалу *джунгарской мышью*, потом зверёк был переименован в *джунгарского хомячка*. Казаки и поймали этого зверька для Палласа, удивляясь интересу заморского гостя к привычному в Степи грызуну, который портил казачьи посевы.

После долгих стараний надпись на Тмутараканском камне удалось расшифровать. Её оставил сын князя Святослава Черниговского, **Глеб**, который княжил в Тмутаракани в 1065–1068 годах. На камне было сообщение о ширине «моря». А измерил он море, когда Керченский пролив замёрз, что случалось не каждую зиму.

Практика измерения водных бассейнов по льду применялась у многих народов. Например, испанский араб **Абу-Хамид**, который оставил заметки о своих путешествиях по Восточной Европе, повествует, как он измерил ширину Волги – зимой по льду прошёл от одного берега до другого и насчитал 1840 шагов.

Но «Тмутараканский камень» был ещё и своего рода письменным подтверждением права князя Глеба на Тмутараканский стол и восточную часть Тмутараканского княжества, на которую претендовали его родичи, а также в очередной раз доказывал, что эти земли издревле принадлежали Руси.

* * *

От первых неуёмных казаков пошли все казаки, в том числе и сибирские – предки наши, пока что безымянные для нас. Потом часть казаков, обитавшая на Волге и Каме, сбилась в дружину Ермака. Перекатились они на конях своих через Уральские горы, пролетели на стругах по бурным таёжным рекам, пробились через дремучую, ледяную Сибирь, где, как говорят якуты, слышен «*шэ-пот звёзд*» и плевков замерзает на лету – в мороз под 60 градусов, и добежали до Тихого океана, по дороге мешаясь с азиатами-кочевниками, а их там было много. Собственно, только они там и жили, да ещё северные народы, пасущие оленей и промышлявшие рыбной ловлей.

Забайкальские казаки – это смесь монголов и русских (так говорят учёные). Тут и появляется наше имя: **Бутаковы**. Казак **Бутаков** впервые упоминается в исторических документах XVI века: он с казачьими сотнями и царской подмогой дошёл до «края земли», побив хана Кучума, с которым у рода Бутаковых были, возможно, личные счёты, если Бутаковы тоже азиаты, и покорил его Сибирское царство, которое постоянно угрожало России, совершая грабительские набеги. С тех пор фамилия **Бутаковы** весьма распространена в Сибири.

ДЕШТ-И КЫПЧАК

Язык отцов, язык тысячелетий,
 Ты временем, как глина, обожжён.
 В тебе – удар меча и посвист плети,
 Мужская гордость и горячность жён.
 В тебе звучат забытые наречья
 Шумеров, гуннов, хрип монгольских слов.
 Где ты рождён? В пожарах Семиречья?
 Тебя по жилам к нам перенесло.
 И ты звучишь, переполняя тело,
 Ударом сердца, колоколом душ.
 И как меня судьбою б ни вертело,
 Клянусь тобою – я к тебе приду!

Олжас Сулейменов

Тогда же, в XVI веке, отмечается проникновение русских людей и в казахские степи, где кочевали племена **Среднего жуза**: аргыны, найманы, кыпчаки, керей и уаки – часть могущественного когда-то кыпчакского государства **Дешт-и Кыпчак**. О нём в народном эпосе сказано: «Пока доскачешь от одной границы до другой – собьются копыта скакуна». Итальянский путешественник Джованни Плано Карпини, проехавший в 1246 году Дешт-и Кыпчак, писал в удивлении:

«Они (кыпчаки – Н. Ч.) очень богаты скотом: верблюдами, быками, овцами, коровами и лошадьми. Вьючного скота у них такое огромное количество, какого, по нашему мнению, нет и в целом мире...»

А чтобы пасти и содержать такое количество скота, нужны были обширные пастбища, богатые хорошей травой. И они были у народов, населявших Дешт-и Кыпчак.

Русских людей, которые впервые увидели казахскую Степь, тоже могли поразить, как и заморских путешественников, её изобилие и просторы. Об этом написал, уже в XX веке, наш земляк, писатель-этнограф **Борис Щербаков**, в очерке **«Гражданин степей»**, увидев степную страну глазами первооткрывателя, или человека, в котором ожила память, переданная предками. Государства исчезают, а природа остаётся вечной, и мы можем её видеть такой же, как видели в XVI веке обитатели этой земли и казаки.

«На диких степных просторах Азии, где веками бродили несметные стада сайгаков, диких лошадей, куланов и верблюдов, а миллионы птиц, оставляя Север, совершали сезонные переселения в сторону Юга, туда, где воля и ветер – единые понятия; здесь, на этой земле, от давнего предка унаследовал я русский дух и страсть к бродяжничеству, стремление к далёким горизонтам выжженных степей. И потому, предполагаю, **живёт ещё так сильно во мне память**: о пыльных, не тронутых колёсами дорогах прошлого, о восточных базарах, тесных улочках, глинобитных мазанках и шалашах, о захолустных селениях, заимках, аулах, деревеньках, будто сам когда-то проходил я долгими дорогами **Великого Шёлкового пути**. Поэтому, может быть, волнуют лиловые закаты, силуэты курганов, скованных вековым сном, и ковыльные дали. И потому случается часто, что, пребывая в неоглядной степи, где, сколько б ни шёл, а картина не меняется, остаётся однообразной, с упоением слушаю посвисты **степного чиёвника** и ропот взволнованных погодой ковылей, рассказывающих о прошлом этой земли (...)

У каждого из нас степь – она своя. Но мы одинаково едины в ожидании встречи с дымящимся очагом возле утлого жилища степняка, с всадником, отдыхающим у родника. Впечатляют с одинаковой силой каждого путника круговые “**вирши**” парящего в небе орла и трубные клики гусиных перелётов. Кто знает, как сладок воздух степи в пору весны, когда позванивают на ветру степные колокольчики тюльпанов, тот скажет о роскоши тёмно-синего бархата ночного неба и о том ощущении, когда в самое сердце тебе глядят **льدياتые звёзды джайляу**.

И представить нельзя казахских степей без озёр, блистающих в ворохе береговых тростников. Озеро позади, но долго перед глазами живёт мгновение взлёта озёрных гусей, роняющих с клюва и лап хрусталь солоноватых вод. Нет степи без криков степных **журавлей-красавок**, бредущих в шелку ковылей (...)

В степи, как в море: мыслям – простор и вольному – воля. В этом причина, что просыпается в её владениях тяга на удаль, на песню, и хорошо, “закусив удила”, мчатся и лететь быстрее ветра и мысли (...)

В наше время, как и в далёком прошлом, степь не позабыла ещё стародавнего языка – перестук копыт, скрип колёс, гортанный оклик чабана, ржание коней...

И всё ещё в розовых восходах, как и тысячи лет назад, поёт над ней гордо и громко поднебесный **джурбай-жаворонок** казахских степей. Степь проста и доступна каждому, кто её полюбил, и тому всегда щедро откроет она тайны свои, и в каждом жилище обретёт тот новых себе друзей. И тогда **Великая Азиатская степь** – от Каспия на западе до Зайсан-озера на востоке **станет родной и очень близкой...**»

Борис Васильевич Щербаков, написавший эти строки, полные восхищения и поэзии, биолог по профессии, учёный. Всю жизнь он радел о чистой экологии и сохранении уникальной природы родной земли. Он один из инициаторов создания Западно-Алтайского заповедника, Тарбагатайского зоологического заказника и Маркокольского государственного заповедника. За труды свои Б. В. Щербаков **стал почётным гражданином города Усть-Каменогорска**, который строили его предки вместе с казаками: они пришли покорять Великую степь, но сами были покорены её красотой и необъятностью.

В «Истории Казахской ССР с древнейших времён до наших дней» (издание 1943 г.) **Ермухан Бекмаханов** сообщает (для удобства цитирования далее я говорю: «История» Бекмаханова. «Историю» эту, будучи в эвакуации в Алма-Ате, написала группа учёных – профессоров и академиков: российских – А. Панкратова, М. Вяткин, Н. Дружинин, А. Кучкин, Я. Зутис, А. Бернштам, Б. Греков, наш А. Маргулан, в соавторстве с казахскими писателями М. Ауэзовым, С. Мукановым, Г. Мусреповым и моим земляком, баянаульцем, первым казахом – доктором исторических наук **Ермуханом Бекмахановым**):

«Через земли кыпчаков проходили важные торговые пути, в том числе Волжский путь и караванная дорога, связывающая Запад с Востоком. Через город Судак (в Крыму) шла торговля с Трапезундом и далее с Тавризом, Хамаданом и другими пунктами Персии. Один восточный автор писал о Судаке: “Этот город кыпчаков, из которого они получают свои товары... К нему пристают корабли с одеждами; последние продаются, а на них покупаются девушки и невольники, буртасские меха, бобры, белки и другие предметы, находящиеся на земле их”. Важнейшими предметами вывоза кыпчаков были меха и рабы. Кыпчаки их приобретали путём вооружённых набегов на приволжские народности и на русские княжества...»

О набегам кыпчаков на русские княжества и пленении русских девушек, а также о появлении казаков в пределах бывшего государства **Дешт-и Кыпчак**, где тоже водились девушки – уже кыпчакские, вспомним, когда будем говорить о сложных казачьих кровях, полученных после такого тесного общения народов. Кыпчакского государства не стало, а кровь кыпчакская осталась в потомках. Через века у некоторых изменился облик, имя, язык. Движение крови никогда не прерывается, передаваясь от поколения к поколению, от народа к народу. **Народа нет – а кровь есть**, и пресечётся только вместе с человеческим родом. То же и с языком: **язык не умирает**, он не исчезает совсем – он замирает, как большая рыба на дне океана, отметав икру. «Икринки» слов заплывают в другие языки, живут в них, потому что **язык – душа народа, а душа – бессмертна**.

ВЕЛИКАЯ СТЕПЬ

«Широка земля Казахстана. Она простирается от русской Волги до китайско-го Синь-Цзяна (...) Казахстан залит морем трав, уходящим за широкий горизонт. Весна красит просторы Казахстана в зелёный цвет, засыпает их цветами. Под могучим солнцем лета травяной покров тускнеет. От осенних дождей он зеленеет вновь. Пастбища Казахстана необозримы. По площади они составляют почти половину всего кормового фонда Соединённых Штатов Америки.

На севере Казахстана степь покрыта серебристым ковылём. Это лучший корм для скота. Южнее, в полупустынях и пустынях, растут сухая и пахучая полынь, редкие и жёсткие солянки. На первый взгляд пастбища пустыни кажутся скудными. Но это не так. Осенью, когда полынь отцветёт и потеряет эфирные масла, а вместе с ними запах и горечь, она становится питательным кормом, улучшающим качество мяса. На крайнем юге, по склонам гор – между поясом леса и поясом вечного снега – лежат альпийские луга. Здесь, вперемежку с обильными, яркими цветами, растёт густая сочная трава. Веками казахский народ кочевал по этим бескрайним степям за своими стадами, иногда до тысячи километров в год...»

Так поэтически начинается «История Казахстана» баянаульца Ермухана Бекмаханова. История Великой степи.

Великая степь – самая обширная часть Евразийского континента. Термин «**Великая степь**» ввёл впервые выдающийся учёный-историк и философ **Лев Николаевич Гумилёв**, именем которого назван Евразийский университет в Нур-Султане. Он, вместе с **Ермуханом Бекмахановым**, будет одним из моих вожатых по дорогам истории. Эпиграфом к книге «**Так говорил Гумилёв**», составленной **Т. Л. Фроловской** (2012), не случайно взяты слова Откровения **Иоанна Богослова**: *«И сказал Он мне: тебе надлежит опять пророчествовать о народах и племенах, и языках и царях многих...»*

Именно эту заповедь исполнил Гумилёв. С юности он был влюблён в Восток, а жил в европейской части Евразии, возвеличил народы, населяющие Степь (казаки её тоже населяли, начиная с XVI века, а в приграничных районах русские жили всегда), писал о великодушии степняков: *«...В Азии не всё продаётся, а многое даётся даром, ради искренней симпатии...»* В своде монгольских законов «**Ясе**» – его создал **Чингисхан** – главным грехом и преступлением считалось предательство того, кто тебе доверился.

В своей книге «**Древняя Русь и Великая степь**» Гумилёв выступал в защиту степных народов, приниженных Западом: *«...Настало время поставить точки над i и в вопросе о “неполноценности” степных народов и опровергнуть предвзятость европоцентризма, согласно которому весь мир – только варварская периферия Европы. (...) Диахрония всегда заставляет напомнить, что цивилизованные ныне европейцы стары и потому чванливы, и гордятся накопленной веками культурой – как и все этносы в старости, но она же напомнит, что в своей молодости они были дикими “франками” и “норманнами”, научившимися богословию и мытью в бане у культурных в то время мавров».*

К «второсортным» народам относил Запад и русских, считая их «азиатами», то есть дикарями. И теперь так считает. Но в то время как напудренная

французская знать, с ловушками для блох под камзолами, оправлялась за роскошными гобеленами Версальского дворца, а мыться хорошенько французы начали вообще только в начале XX века, придумав духи, чтобы не угореть от миазмов телесной грязи, русские издревле знали и любили баню, предпочитая французским духам здоровый дух берёзовых веников: «Хороший веник – дорожке денег!» Кроме того, у России была великая культура, православная вера. Была уникальная духовная культура и на азиатском Востоке.

«Раскопки на Алтае, в Монголии и Сибири показали, что искусство евразийских народов существовало, история их ныне написана, прочтённые тексты показали наличие переводной философской литературы, а фольклор зафиксировал оригинальные сюжеты», – пишет Гумилёв, но для Запада – всё равно дикари. Стихотворение «Прощай, немая Россия!», которое приписывают Лермонтову, на самом деле сочинил – в угоду Западу – один проходимец. О таких проходимцах Гумилёв говорил с усмешкой: «Не скованные русским патриотизмом космополиты», то есть люди без корней, которые, прикрываясь великими именами, глумятся над любой культурой.

А ещё просвещённая Европа в Средние века сжигала на кострах красивых женщин, считая их ведьмами. С тех пор там редко встретишь красавицу, а в России и на Востоке красавицы были на вес золота, за ними приезжали из-за морей, ради них заключался мир. И теперь у нас много красивых женщин, таких, что глаз не оторвать, иностранцы и теперь приезжают любоваться нашими красавицами, а то и в жёны заманивают.

Прошли века, а кичливость европейцев по отношению к русским и особенно к народам Востока осталась до сих пор. Но тут ведь, кроме кичливости, ещё и давняя – историческая – досада. «Запад есть Запад, Восток есть Восток – и вместе им не сойтись!» – писал когда-то автор сказок о Маугли Р. Киплинг. Восток для Запада всегда был загадкой. Местом силы. Магнитом для захвата. Так ребёнок хватает непонятную игрушку, ломает её, пытаясь узнать, что внутри. Загадка Востока пока не разгадана, хоть эту «игрушку» чужеземцы не однажды пытались ломать.

«Россия – Сфинкс», – писал поэт Александр Блок в поэме «Скифы», имея в виду и Восток, частью которого всегда была Россия. «Милльоны – вас, / Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы. / Попробуйте, сразитесь с нами!»

Гумилёв часто приезжал в Казахстан, читал здесь лекции, восхищался нашими луноликими красавицами, чья красота и с годами не меркнет. Может, секрет их красоты не только в природных данных, а ещё и в чистой душе, которая отражается в облике?

Гумилёв развил теорию о славяно-тюркской общности, которая формировалась многие века, и ещё до него стала когда-то основой идеи русского евразийства, и ярче всего проявилась в казачестве, о чём Гумилёв писал: «Наши предки дружили с половецкими ханами, женились на “красных девках половецких”, принимали крещёных половцев в свою среду, а потомки последних стали запорожскими и слободскими казаками...»

ПОЛОВЕЦКИЙ КРАЙ

Копие хочу я преломить
 В Половецком поле незнакомом,
 С вами, братья, голову сложить,
 Либо Дону зачерпнуть шеломом!

«Слово о полку Игореве»

(пер. Н. Заболоцкого)

Теорией русских евразийцев заразился и казахский поэт **Олжас Сулейменов**. В своей книге, вызвавшей скандал, «Аз и Я» (1975 г.), он вывел новый этнос: «**тюрко-славяне**» или «**славяно-тюрки**» – кому как больше нравится. Его забросали «камнями» и русские, которые не хотели себе приставки «тюрки», и казахи, не желающие быть «славяно-тюрками». А больше всего «камней» прилетело от российских учёных. Как он, казах, посмел покуситься на священные для русских памятники древнерусской литературы «**Слово о полку Игореве**» и «**Задонщина**», где усомнился в чистоте русской крови, где писал о семейном родстве Руси и Половецкого поля, где преступно обнаружил много тюркизмов?

Но тут нет никакой вины Олжаса. В Древней Руси тюркский язык был распространён среди русичей. Близко общаясь с Половецким полем – и воюя с ним, и входя в родственные связи, русские перенимали язык кочевых племён: владели им и простые люди, и князья, а половцы знали русский язык, особенно те, кто служил у русских князей. Это была жизненная необходимость. Иногда все говорили на смешанном русско-тюркском языке, потому в «*Слове о полку Игореве*» много тюркизмов. Добавили тюркизмов и монголо-татары, 240 лет тесно общаясь с русскими, потому тюркские слова встречаются в «*Задонщине*». Со временем тюркский язык среди русичей стал угасать, поглощённый русским языком, и только некоторые слова остались в обиходе. Они и теперь есть, но мы даже не задумываемся о происхождении этих слов. Для нас они давно часть русской речи.

Язык – самостоятельный, живой организм. Никакими законами или волей учёных мужей насильно его нельзя укоренить, как и наоборот – искоренить. Он живёт, сколько хочет, сколько нужен людям для общения, а там уж как Бог скажет!

Язык есть сам народ. В русских летописях говорится: «Поганыи же половци свокупиша весь язык свой на русскую землю»; о войне 1812 года современники писали: «Нашествие дванадесяти языков на Русь».

В подзаголовке книги «**Аз и Я**» (название многогранное: и язык – от А до Я, и **Азия**, где «**Аз**» – начало славянского алфавита) Олжас подчёркивает: «*Книга благонамеренного читателя*», то есть он всего лишь читатель, не претендующий на лавры учёного. Читая старинные тексты и обладая воображением художника, он фантазирует на исторические и лингвистические темы. Однако его уловка с «*благонамеренным читателем*» не удалась: шум поднялся большой! Редактора книги уволили, Олжаса начали травить и свои, и русские. А поэт хотел всего лишь, как и я, понять своё происхождение, найти себя в веках и народах, чув-

бабушка, Татьяна Гавриловна, сохранила восточную смуглость лица, жгуче-чёрные глаза, горячность характера.

Моя подруга **Ардак**, с косями до пят, с дерзким нравом, казашка с русской (казачьей) и джунгарской кровью, признавалась, что когда видит русские пейзажи, берёзки и прочее, у неё сердце замирает от счастья, а русские песни вызывают тихую печаль, будто некая тайная струна отзывается в ней из глубины веков – из памяти крови. Но едва слышит звуки домбры – в ней закипают страсть и восторг любви.

А в остальном – и для русских, и для тюрков есть всегда свобода выбора: кто хочет остаться казахом, татарин, монголом или ещё кем-нибудь – останется! Кто хочет быть русским – будет! Помешать этому не могут ни правители, ни мировые катаклизмы, ни колонизаторы, ни инопланетяне, если они вдруг сбрендят и прилетят. Главное – не национальная принадлежность, **главное – душа, которую надо беречь.**

Олжас Омарович – потомок легендарного **батыра Олжабая** (в честь него и назван), сын репрессированного: его отца расстреляли. Клеймо сына врага народа долгое время сопровождало Олжаса, а потом к нему добавились гонения за собственные книги, обвинения в том, что продался «русским». (Меня обвиняют: «Продалась казахам!») – за мой интерес к тюркской культуре. Националистическая дикость всё ещё бытует у нас.) **Сулейменов** пишет по-русски, но остаётся всегда казахом: он знает родной язык, рассказывает в стихах и прозе о казахам, и рассказы эти восхитительны!

В нём – батырский дух, в нём – сосредоточились лучшие черты азиата: высокий («*Мы, высокие, будем стоять!*»), красивый, в молодости был похож на степного принца – **Чокана Валиханова**, с лицом светлым и вдохновенным, душой благородной и мудрой, редким баритоном, а когда начинает читать стихи – будто магическая музыка звучит, которую хочется слушать и слушать, не вдаваясь даже в смысл слов. Он тогда прекрасен! «*Кто видел Бога? – Тот, кто видел Пушкина!*» – написал он когда-то. Есть нечто небесное и в самом Олжасе, данное ему вместе с талантом. И ещё: **Олжас – яркий представитель евразийца**, воспитанный на стыке двух культур: европейской и азиатской. Если вы хотите увидеть настоящего евразийца – смотрите на Олжаса. Он не русскоязычный поэт, как о нём говорили советские литературные критики, которые вроде бы и принимали его в русские поэты, но в то же время не считали настоящим русским поэтом, а заодно и нас, русских, живущих в Казахстане: нас тоже называют «*русскоязычными*», иногда – «*некоренными*» и поэтому не совсем русскими. Говорят о нас: «Вы – казахи!» Так кто же мы на самом деле? Мы – евразийские писатели: русские, для которых русский язык родной, а также казахи, уйгуры, корейцы, немцы, чеченцы, поляки, татары и т. д., проживающие в Казахстане и пишущие по-русски. У них, двуязычных писателей, как бы существует некий «*третий глаз*», новое зрение, и они более ярко и свежо видят привычный для остальных мир, при этом сохраняют национальную идентичность: остаются казахами, уйгурами, корейцами, немцами, чеченцами, поляками, татарами и т. д. А русские всегда были русскими, чуткими к культуре тех народов, среди которых жили. **Мы – евразийцы!** Но каждый из нас пишет и о своём народе, открывая миру новые краски многоликого Человечества. Самый известный из современных евразийских писателей Казахстана – классик

советской литературы, пишущий по-русски, кореец **Анатолий Ким**, из сосланных в нашу республику с Дальнего Востока корейцев. Здесь он нашёл не только вторую родину, но и призвание. Как поклон этой земле, Анатолий Андреевич сделал новый перевод эпопеи М. Ауэзова об Абае. Или взять немца **Герольда Карловича Бельгера**, тоже из ссыльных, который вырос в ауле, в казахской среде, говорил на трёх языках: немецком, казахском и русском. Писал по-русски. Он тоже был не русскоязычным писателем, а евразийским. Недавно казахи поставили ему памятник с надписью: «**Гера-ага**» – за тот вклад в культуру нашей страны, который он сделал. Как правило, все евразийские писатели ещё и прекрасные переводчики литературы народов Казахстана. **И это – тип евразийца!**

Олжас – настолько масштабная личность, что ему всегда было тесно только в рамках литературы, и он искал себя в политике, в общественной и государственной деятельности. Мне довелось участвовать в одной из акций антиядерного движения «**Невада – Семипалатинск**», которое организовал Олжас. Мне близки были идеи этого движения, потому что моя семья с 1949 года жила **вблизи Семипалатинского ядерного полигона**, и мы на себе испытали невидимую атомную войну, когда люди умирали от облучения, когда окна в домах заклеивали бумагой, чтобы не вышибло взрывной волной, когда в небе, в зареве огня, вырастал атомный гриб невиданной красоты. И эта чудовищная красота в самом деле могла спасти мир – под Семипалатинском, в древней Степи ковался ядерный щит страны, чтобы остановить американскую агрессию, после того как США сбросили бомбы на японские города **Хиросиму и Нагасаки** и готовились бомбить Москву, многие русские города и наш Семипалатинск... Гонка вооружений была остановлена. Потом Олжас стал представителем Казахстана в ЮНЕСКО, потом – послом в Италии. И всё это время, параллельно с государственной службой, он писал свою долгую книгу «**Тысяча и одно Слово**», в которой – через языки народов мира – искал и ищет истоки родного казахского языка и близкого ему славянского. **Ищет себя!** Каждый человек ищет себя – от первой до последней минуты своей жизни, узнавая себя во множестве народов и языков. **И я ищущу!**

«...И гляжу я на скифские чаши, / На узоры восточной кошмы, / И мне кажется: / Пращурь наши / Здесь оставили знаки, кто мы! Древодеды вплели в узорочье, / Камнетёсы вдолбили в гранит / Весть о нас. И, поднявша очи, / Перед храмом Россия стоит. / Водит пальцем по хитросплетеньям / Белых гроздьев, бутонов и змей, / И подсказанный вдохновеньем / Путь её открывается ей...»

КАЗАЧЬИ КРЕПОСТИ

Кричит муэдзин с минарета.
Верблюды. Горячий песок.
Казачьи пикеты. Край света.
Россия, а всё же – Восток!

А теперь читаем о Великой степи и появлении там **казаков** в книге жителя казахстанской Азии, уроженца Сибири, писателя и журналиста **Юрия Поминова** «**Павлодарское Прииртышье. Жемчужина Сарыарки**» (2012 г.):

«...Первые русские появились в Прииртышье в конце XVI века. Здесь они брали соль из Ямыш-озера (...) По особому указу царя Петра I строятся **казачьи крепости** на Иртыше – Ямышевкая, Железинская и другие, а между ними – поселения-форпосты. В том числе **Коряковский форпост, с которого в 1720 году начинается история города Павлодара**. Неподальёку от форпоста было два солёных озера, о которых в одной из книг того времени сказано: *“Вода в озере столь прозрачна, что до дна видеть можно, а соль эта зело чиста, аки лёд яснец, солка вельми и сладка”*.

Первым русским населённым пунктом на территории области считается **Ямышево**, которое было основано в 1715 году как крепость. Его **первыми жителями были служивые казаки...**»

Земли эти были пустынными, незаселёнными, и казаки стали их осваивать, не пуская туда воинственных иноземцев, которые притесняли кочевников, а заодно казаки стали промышлять солью. В Семипалатинске есть **Ямышевские ворота**, через которые в казачью крепость и **станцию Семипалатную** въезжали обозы с солью и другим товаром. Казаки на воротах и на обозах громко приветствовали друг друга, узнавая знакомцев. Громкость голоса – от степняков, которые привыкли перекликаться из аула в аул: всадника ещё не видно на горизонте, а голос его уже слышен. У нас в родне все громкоголосые. Когда однажды я привезла маму в Павлодар, и они сошлись с сестрой **Маргаритой** и стали вспоминать прошлое, то я оглохла от их диалога: говорили две грохочущие грозы, выкатывающая шаровые молнии!

Возможно, среди первых ямышевских казаков были и наши предки, которые и в XX веке занимались соледобычей: например, **наша бабушка Татьяна Гавриловна Бутакова** в голодомор ездила, погоняя быка, из Баянаула в степь – копать на соляных озёрах соль, которую выменивала на еду для голодных детей. И дед **Павел** ездил с казаками по соль. В сенках всегда стояла кадка с солью – для снеди. Кроме того, дед Павел солью чистил зубы, и они у него всегда были ослепительно белые, ровные и здоровые. Такие же красивые зубы были и у моей мамы, и у многих в роду Бутаковых. Когда мама впервые увидела **Асета – сына племянницы Зои (Зураш) Бяловой**, то узнала его по ослепительно белым ровным зубам. Прослезилась: «Зубы, как у нашего папки!»

Мы не знаем имён ямышевских казаков Бутаковых, не видели их лиц и только, глядя друг на друга, на родственников своих, можем угадать их образ, а читая страницы истории казачества, пройти вместе с ними долгий путь из Древней Руси в XXI век. За многими строками этой истории – наша кровная родня, то есть отчасти каждый из нас. Кровь, что передали нам наши предки, солонка от соли иртышской земли, которая «зело чиста, аки лёд яснец», горяча от удали первых казаков, которые, как писал Гоголь, глядели прямо в очи любой опасности и не знали, что такое страх. Память крови хранит те потрясения, что были когда-то, надо только вспомнить. Будем вспоминать!

* * *

После того как в 1598 году боевые **дружины русских казаков** вместе с царскими войсками разгромили и покорили Сибирское **царство хана Кучума**, а сам он бежал в ногайские степи и там **погиб от рук своих сородичей**, битвы в

пределах его бывших владений не прекращались – земли были обильны лесом, зверем (пушнину в Сибири называли «*мягкой рухлядью*»), птицей, рыбой, солью, богатством ещё неразведанных недр, и на эти земли покушались восточные соседи (и до сих пор покушаются). Казакам приходилось защищать завоёванные территории, строя на границах **укреплённые крепости**. Со временем владения России простёрлись до Ледовитого океана, до **Аляски**. Осваивали Аляску тоже казаки, и до сих пор там живут их потомки. А ещё в Америку – гораздо раньше казаков – ушли некоторые племена северных народов Сибири, которые следовали за ягелем и стадами оленей, а также откочевали «краснокожие» хаккасы и другие азиаты – задолго до Колумба и его предшественников: викинга Эриксона, валлийского принца с Британских островов, отважного африканского морехода из Мали. Когда эти землепроходцы достигли берегов Америки, там уже давно жили аборигены с азиатским обликом. Они принесли из Азии свой язык, свои обычаи, свои представления о мироздании. Одни – по-прежнему пасли оленей, а другие – **стали индейцами**, которые так же лихо скакали на лошадях, как и наши кочевники, как и казаки.

Я знала одного индейца с русским именем **из племени Чёрный Ворон**. Азиатские черты в его облике уже стёрлись, вытеснились европейскими кровями, но всё равно было видно – не совсем русский человек, и глаза раскосые. Это был художник. Его предки давно уже вернулись в Сибирь, где обнаружили своих родственников – казаков и тюрков-азиатов.

Древние тотемы индейцев родственны тюркским тотемам, и те же замшевые штаны с бахромой, те же перья на голове, как у **Золотого человека** – воина, найденного в одном из сакских курганов в Иссике (под Алма-Атой). Я была знакома с археологом, который нашёл его. Это был сухощавый, дублёный ветрами и солнцем, небольшого роста человек, уже немолодой, с очень смуглым, до черноты, лицом, с причудами: он поставил юрту рядом с курганами и стал там жить, навсегда переселившись в древние века.

Встретились мы с археологом в Нарынколе, где проходил праздник поэзии Мукагали Макатаева – на фоне священной для тюрков **горы Хан-Тенгри** (до сих пор в Степи есть приверженцы религии тенгрианства: Тенгри – бог Неба. Сохранились поговорки: «*Пища на завтра от Тенгри*», «*Пусть благословит Тенгри!*», «*Пусть Тенгри покарает!*» и т. д.). С гор, пограничных с Китаем, скатывались дымные облака. Они быстро заполняли зелёную, влажную долину, окутывая её туманом. Заоблачный воздух принёс запах снега. Альпийский холод всегда прилетал сюда внезапно и стремительно, как когда-то, в древности, потоки воинственных орд.

* * *

Когда в долине **между Иртышом и Ишимом** были обнаружены залежи алебаstra – его сначала приняли за слюду – генерал-губернатор **князь Гагарин** донёс **Петру I** о необходимости поставить там ряд военных укреплений – для защиты Степи от набегов воинственных соседей и разработки месторождения ценной находки. Царь распорядился незамедлительно отправить в те края три тысячи конных и пеших войск под командованием бывшего пленного шведского офицера – **бригадира Бухгольца**. Они-то и заложили **основание сначала Омской, затем Семипалатинской (1718) и Усть-Каменогорской крепостей**

(1720). В Усть-Каменогорске до сих пор осталось название от старой казачьей крепости – **Уба-Форпост**, а в Семипалатинске – посёлок **Старая Крепость**.

Расскажу о Семипалатинской крепости, поскольку жила в Семипалатинске с 1949 года, знаю эти места лучше остальных мест, и считаю своей родиной, так же, как и Баянаул. Сюда из Баянаула – на съедение своим семерым сёстрам – привёз мою молодую маму и меня отец. Он у них единственный брат – ревновали! Обсматривали сношку со всех сторон – не понравилась: уж больно худая, вместо груди – фигушки, хоть лицом и красивая, да спеси много: на золотой козе её не объедешь! Потом сёстры смирились с выбором брата и с гордистой казачкой, которая поначалу свысока поглядывала на *«толстопятых мужичек, коlobковых коров»*, как она их называла, но и она отмякла, привыкла к их деревенскому простодушию: «Тю! Толстые? Ничо, страна у нас большая – поместимся!» Мама удивляла моих дородных тёток щедрыми застольями да плясками под гармонь. Она была отменная плясунья, а тётки – любили петь и вообще любое веселье.

В нашем доме часто собиралась большая родня отца. После войны жили не особо сытно, но весело, и мы, дети, выросли на этом празднике жизни, окружённые семейной любовью. В Семипалатинске прошло моё счастливое детство и часть юности, здесь встретила я первую любовь – и трагически потеряла, здесь родились многие мои родственники, мой брат с сестрой – двойняшки **Владимир** и **Зинаида**, мой сын **Денис**. Здесь я начала писать стихи, и они впервые появились в областной газете **«Иртыш»**. Семипалатинск был для нас крепостью крепкой семьи.

Новая Семипалатинская крепость – взамен старой – была заложена 18 мая 1776 года **капитаном Андреевым** – рядом с развалинами *«Семи Палат»* буддистского монастыря, а в декабре 1777 года была завершена постройка казённых зданий. В июле следующего года в крепость переехал вместе со штабом комендант крепости – **полковник Илья Тимофеевич Титов**.

Крепость перестраивалась несколько раз и первоначально была деревянной, но после страшного пожара и потом наводнения крепость передвинули, как раз в мае 1776 года, а дома и крепостные стены стали строить из красного калёного кирпича, для чего понадобился кирпичный завод. Богатые купцы возводили хоромы целиком из камня, а кто победнее – каменным делали только нижний этаж, а верхний рубили из брёвен, но потом городские власти запретили срубы, дабы сберечь сосновый бор, который сдерживал натиск песков – они грозно надвигались на город, песчаные бури проникали во все щели, наметали барханы у ворот, сводили всех с ума, дыша пылью и зноем. Только к зиме бури утихали, уступая место метелям и сибирским морозам.

Издалека Семипалатинск казался красивым городом, но все, кто в него впервые въезжал, бывали удивлены его провинциальностью, отсутствием деревьев и даже кустарников, не говоря уже о цветниках – только песок. Степняки до сих пор не особо заморачиваются зелёными насаждениями, а тогда Семипалатинск был в основном восточным городом, да и казаки-станичники отговаривались тем, что здесь плохо растут деревья, хотя на Иртышских островах зеленели рощицы серебристых тополей и лип, заросли жимолости, ивы, шиповника

всех видов, черёмухи, боярышника и т. д. Островов было несколько. Самые крупные – **Лекарский, Бабий, Полковничий** (на нём, уже в XX веке, прошла часть моего детства), **Скопин**.

Под семипалатинской землёй лежит подземное море. Вода в колодцах прекрасная по вкусу, промытая песком: пьёшь – и не можешь оторваться! Но надо знать жилы – не знаючи, можно наткнуться на жёсткую, солоноватую воду, непригодную для питья. Такой колодец был вырыт у нас во дворе – из него мы брали воду для полива огорода, а за хорошей водой ходили на колонку с вёдрами на коромысле.

Один из путешественников, посетивший город в стародавние годы, пишет: *«...Все климатические условия достаточно благоприятны: прекрасная, довольно ранняя весна, жаркое лето, безоблачное небо, ровная, хотя и холодная зима – редко за 20 градусов, многообильный водою Иртыш – все эти условия должны способствовать хорошему росту деревьев, но **сибиряк** вообще и **казак** в особенности не любит заниматься тем, что не даёт ему быстрой, видимой пользы...»*

Только со временем появились палисады, и даже на берегу Иртыша был разбит «Казаков сад» с беседкой. В насаждении сада принимал участие отставной казачий урядник, у которого и фамилия была Казаков. **Митрофан Казаков** был вообще меценатом: на его средства в казачьей станице в 1860 году построена **Воскресенская церковь**. Рядом – две улицы: Воскресенская и Митрофаньевская – в честь церкви и урядника Митрофана Казакова (теперь эти улицы переименованы, а церковь жива). Но не зря говорят: за одним плечом у человека стоит ангел, а за другим – бес. Вот и доброхота Митрофана бес попутал: проворовался казак, растратив казённые денежки, занимался ещё и контрабандой, и уклонением от налогов. Всё ему припомнили! Митрофан Казаков был осуждён и лишён звания церковного старосты. А «Казаков сад» разрастался, зеленел. Там, в беседке, любили отдыхать барон **А. Е. Врангель** и великий писатель **Ф. М. Достоевский**. Они дружили.

Зимой 1854 года опальный Фёдор Михайлович через **Ямышевские ворота** въехал в крепость Семипалатную, доставленный из Омска, из «Мёртвого дома», в ссылку. На возу был ополовиненный мешок мороженых пельменей – их варили в дороге, разводя костры.

Достоевский стал служить простым солдатом в дисциплинарной части гарнизона. За **Форштадтом** – станицей Семипалатной – военный плац. Казармы этого гарнизона ещё несколько лет назад были целы, но теперь их снесли, ничего не осталось и от Старой Крепости, кроме Ямышевских ворот, да и те передвинули, чтобы расширить автотрассу.

Раньше таких ворот было трое: **Усть-Каменогорские** – от них дорога шла в Усть-Каменогорскую крепость и на Локтевский завод; **Семипалатинские** – они выходили на реку Семипалатинку: казаки её звали ручьём. В летний зной Семипалатинка в самом деле напоминала ручей: она сильно мелела, и её можно было перейти вброд – в моём детстве мы на Семипалатинке в подола юбок ловили чебачьих мальков, а на **Холодном Бродке**, который увиливает от Семипалатинки и заходит в лес, следили за бегом водомеров, но в половодье и Семипалатинка была грозной и бурной, срывая с берегов деревья; **Ямышевские ворота** – каменные, с башней, построенные в 1803 году, из которых начинался путь в Ямышевскую

и Омскую крепости. Остались только они, остальные разрушены, но в 1854 году, когда Достоевский въехал в наш город, всё было на месте: и пушки на стенах смотрели дулами в степь, и хмурые казаки стояли при воротах – задувал метельный ветер, обводя морозным куржаком усы и бороды. На Иртыше от мороза трещал лёд, на островах лопались стволы старых деревьев. В трещинах морозобоя потом появлялись волнистые наросты, из которых – уже в моё время – наш сосед на Полковничьем острове, **казак дед Ващенко**, вытачивал на досуге причудливой формы чаши, ковши, фигурки чудовищ и зверей. А вообще-то он был столяром и всё лето ширкал рубанком на верстаке, под навесом сарая. Давал мне кучерявых стружек на «кудри», чтобы я стала похожа на принцессу. На одном из детских фото я стою как раз на этом верстаке: в юбке до пят – маминой, в её же туфлях, надетых не на ту ногу: до сих пор путаю «сено-солому», в руке – краюха хлеба. Это мой гонорар за песни, что я пела деду Ващенко – играла в артистку. Дед и наградил хлебом, который в начале 50-х был для нас лакомством. А пела я песни, услышанные на пластинках: у родителей был патефон, и по воскресеньям они заводили музыку. В основном это были песни военных лет. Вот и я громко распевала «Катюшу», «Умирать нам рановато», «Давай закурим, товарищ мой...» На последнюю песню старый казак посмеивался в усы: наверное, и впрямь в исполнении четырёхлетнего ребёнка это звучало потешно.

Путешественник **К. А. Мейер**, который посетил Семипалатинск на 25 лет раньше Достоевского, так описывает казачье поселение – оно мало изменилось за четверть века, и Достоевский его увидел таким же, как и Мейер: «...Крепость в настоящее время обведена каменной стеною, которая к югу однако же обрушилась, и сухим рвом; в ней находится **красивая церковь**, дом коменданта и офицеров, казармы, гауптвахта и проч., но кроме солдат в ней мало жителей. Самый город находится в четверти пути от крепости. Он довольно велик, но состоит из деревянных домов, маленьких и некрасивых; в нём считается **четыре магометанские мечети**, гостинный двор и обветшалое здание таможни. На северной стороне города стоят многие киргизские юрты, на западной – впадает в Иртыш ручей Семипалатинка. **Жители состоят из Русских, Татар, Ташкентцев, Немцев, Жидов и многих Киргизов.** Гостиниц вовсе нет. Чуждая европейскому глазу одежда Татар, закутаные женщины, стройные минареты со своими муллами, сзывающими на молитву, и проч., придаёт городу восточный вид, но мало прелести. Глубокий песок на улицах делает всякую прогулку трудною и неприятною. Только вдоль берега Иртыша можно заводить маленькие сады, где разводятся различные растения; **арбузы вызревают хорошо...**»

Семипалатинские арбузы, действительно, славились по всей Степи, самые лучшие – долонские, из казачьей станицы Долонь. В моём детстве у нас была бахча – в поле, рядом с лесом. Груды арбузов и жёлтых, пахучих дынь, очень сладких, истомлённых степным зноем, заваливали наши сени. Арбузы и дыни поедались нами в огромных количествах чуть ли не круглый год: и так, и с хлебом, вместо обеда – летом и осенью, а зимой и весной – солёными. Отец придумал варить арбузный «мёд» и колдовал посреди двора, у летней **печки-горнушки**. Над вареничным тазом роились пчёлы – их даже печной дым не мог отогнать, так они были загипнотизированы арбузными парами.

Наш земляк, классик русской литературы Павел Васильев воспел бахчевое изобилие в стихотворении **«Бахча под Семипалатинском»**:

Змеи щурят глаза на песке перегретом.
 Тополя опадают. Но в травах густых
 Тяжело поднимаются жарким рассветом
 Перезревшие солнца обветренных тыков.
 В них накопленной силы таится обуза –
 Плодородьем добротным покой нагружён,
 И изранено спелое **сердце арбуза**
 Беспощадным и острым **казацким ножом (...)**
 Третий день беркута уплывают в туманы,
 И степные кибитки летят, грохоча.
 Перехлѣстнута звонкою лентой бурьяна,
 Первобытною силой взбухает бахча (...)
 Наклонись и прислушайся к дальним подковам,
 Посмотри – как распластано небо пустынь...
 Отогрета ладонь в шалаше камышовом
 Золотою корою веснушчатых дынь...
 Опускается вечер. И видно отсюда,
 Как у древних колодцев блестят валуны.
 И, глазами сверкая, вздымают верблюды
 Одичавшие морды до самой луны...

Достоевскому разрешили жить не в казарме, а снять отдельное жильё, и он занял верхние комнаты **в доме почтмейстера Липухина**. Дом стоял на Крепостной улице (ныне улица Достоевского). В городе долго оставались старые названия улиц, в которых отражена **казачья история**: кроме Крепостной – Казачья, Корниловская (в честь казачьего генерала Корнилова), Потанинская (в честь казака, путешественника Потанина), Казарменная, Батальонная, Солдатская, Цейхгаузная, был целый район города, который назывался **Казачий**.

Фёдор Михайлович обзавёлся не только домашним уютom, но и письменным столом, и книжным шкафом, за стѣклами которого поблескивали золотым тиснением тома Брокгауза и Эфрона, а на столе – разложены бумаги, стояла чернильница, которую он по вечерам заливал восхитительно пахнущими чернилами, рядом лежала ручка с отличным новым пером. Они и теперь на столе – дом стал музеем.

После ужасов Омской тюрьмы всё было великим счастьем! Здесь начал Достоевский писать *«Записки из “Мѣртваго дома”»* и повесть *«Дядюшкин сон»*, в которой узнаётся Семипалатинск того времени. Дом Липухина располагался рядом с Татарской слободой – самой богатой частью города: там ракетами в небо уносились минареты мечетей и стояли добротные дома. С казаками и татарами Достоевский познакомился ещё в Омске, но теперь жил с ними по соседству и пять раз в день слышал крики муэдзинов, призывающих мусульман к намазу.

Ещё один путешественник, **А. К. Гейнс**, записал в своём дневнике: *«Семипалатинск – самый большой и богатый город в Киргизской степи (...) Лучшее*

здание города – мечеть, построенная, как мне говорили, **по рисунку Тона**. Архитектура мечети замечательно грациозна и легка. С её высоких минаретов виден весь Семипалатинск с окрестностями до далёких гор Семитау... На фоне серых, невзрачных домов резко отличаются две каменные православные церкви, из которых одна довольно красивая...»

В Татарской слободе жили купцы – казанские татары и сарты (узбеки). Они снабжали горожан разным товаром, фруктами, которые стоили невероятно дёшево, и Фёдор Михайлович, имея даже небольшое солдатское жалованье, мог, наверное, лакомиться южными плодами.

Вот как базарное изобилие казачьего города описывает семипалатинский краевед **Виктор Кашляк** – со слов старожилы XIX века: «...Рынок изобилует всякой живностью: огромные стерляди, нельмы, корыши – вид стерляди, ерши, всевозможная дичь – всё это баснословной дешевизны, масса овощей, привезённых из Ташкента, сухие фрукты: урюк (абрикосы), вишни, яблоки, изюм без косточек, кишмиши, миндаль, фисташки, орехи от 5–10 копеек за фунт, лучший мёд в сотах из Лепсы и Семипалатинской области – от 4–6 рублей за пуд. Всем этим переполнен рынок, и в сартовских лавках восточные ковры, шелка и всякие ташкентские изделия...»

Длинными летними вечерами Фёдор Михайлович мог без конвоя прогуливаться по песчаным улицам города, кое-где уже мощёным, любоваться нарядными провинциальными барышнями, которые прятались от палящего степного солнца под ажурными зонтиками – солнце жарило и на закате, а потом, укрываясь где-нибудь в закоулке, вытряхивали песок из модных туфель. Туфельки и наряды поставлял богатый **купец Плещеев**, который специально ездил в Париж за европейскими товарами, и буквально всё, до последней булавки, можно было купить в его магазинах – они были расположены в центре города (здания эти, из крепкого красного кирпича, с большими витринными окнами, целы до сих пор). Достоевский заходил и туда – за миражом былой петербургской жизни, за воздухом свободы.

Воздух свободы пах французскими духами, ташкентским урюком, дынями, близким сосновым бором и свежим дыханием Иртыша!

Могучая река шумела в конце улицы, под обрывом, намывая острова, зараставшие ивой, лохом и камышом. На одном из таких островов, самом большом и лесистом, несколько лет жила наша семья. До строительства моста через речку Семипалатинку туда плавали на пароме, который держали жители Татарской слободы, или на лодках. До революции остров назывался **Полковничьем**, и на нём располагалась **Меновая слободка**, но в 1795 году случилось сильное наводнение, и Слободку пришлось переносить. При мне остров уже именовался Кировским, так как **Сергей Миронович Киров** посетил Семипалатинск, где строился гигант советской индустрии – мясокомбинат, и тоже имени Кирова. Наводнения донимали и нас – каждую весну, но мы жили на холме, в доме с мансардой, и уцелели. Дом когда-то был дачей и принадлежал состоятельному горожанину, который в революцию бежал за границу.

Посреди острова поставили **памятник Сталину**, окружённый тяжёлыми цепями, на которых я качалась, как на качелях, пока перепуганные взрослые меня не согнали. Теперь мне эти цепи кажутся символом оков не только узников «Мёртвого дома», откуда вырвался великий писатель, но и невольников ГУЛАГа.

В глубине острова в 30-е годы **построили колонию для «врагов народа»**, окружённую дозорными вышками (она простояла до начала 60-х, и там содержались уже настоящие преступники). В колонию свозили инвалидов-доходяг, которые шили кирзовые сапоги и тапочки, а заодно оздоравливались лесным воздухом: цвёл белый, красный, розовый шиповник, вековые липы, черёмуха, боярка, густые после весеннего половодья травы. На островных лугах паслись козы, наша корова Машка и лошадь Каурка, а в Иртыше билась большая рыба, попадая в воронки, в изобилии водился чебак. Отец закидывал удочку – и к обеду была готова золотистая жарёха.

На крутом берегу реки возвышались готические, красного кирпича «замки» – мельницы богатого татарского **купца Мусина**. С его потомками я училась в школе. Видела и **Андрея Фёдоровича Достоевского** – внука писателя: в 1968 году он приезжал на юбилей Семипалатинска – 250 лет. Теперь городу перевалило уже за триста. Внук писателя был худощавым, невзрачным человеком, со впалыми щеками, как у его великого предка, с редкими рыжеватыми волосами. Праздник проходил на спортивном стадионе, построенном на месте православного, XVII–XIX веков, кладбища, что, конечно, кощунство. Почему-то стадионы надо строить непременно на кладбищах. Достоевского в открытой машине возили по кругу стадиона, и потомок махал всем рукой – из XIX в XX век и казался ненастоящим. А дед его, **Фёдор Михайлович**, был настоящим. Он для нас был живым. И когда мы проходили мимо его дома, казалось: за окнами маячит его сутулая фигура, склонённая над письменным столом, трепещет оплывающая свеча.

На левом, степном берегу Иртыша простирались земли, которые раньше тоже принадлежали Сибирскому казачьему войску, там со временем появилась **Заречная слободка**, где селились не только казаки, но и казахи: беднота – в районе **Джоломанки**, кто побогаче – в центре. Когда началась первая русская революция 1905 года и русско-японская война, Заречная слободка на этой волне народных потрясений решила отделиться от Семипалатинска, жить автономно, не слушая никаких властей. Инициатором был заведующий сельскохозяйственной школой **Корсаков**. *Корсак* – в Степи маленькая жёлтая лиса. Казаки в старые времена «*корсаками*» называли иногда киргиз-кайсаков. К «*Степной Лисе*» – Корсакову на революционный митинг собралось около ста жителей слободки. Было решено добиваться суверенитета. Обращались с петициями и к губернатору области, и даже в Петербург – о признании Заречной слободки зоной самоуправления. Более того, требовали переименовать слободку – они хотели теперь называться **городом Алаш**. Никто их не поддержал, тогда они самовольно стали называть Заречную слободку Алашем. Но в августе 1916 года власти закрепили слободку за Семипалатинском, а в июне 1917-го самоназванный город Алаш стал **Жана-Семеем**. С этим названием он живёт до сих пор. В советское время там был построен крупнейший в СССР мясокомбинат (нынче он лежит в руинах – после развала СССР) и мукомольный комбинат. Теперь берега соединяет современный красивый мост, а раньше плавали на лодках, либо, когда сходила весенняя шуга, собирали понтонный мост. Через Иртыш перекинута и ажурные арки железнодорожного моста Турксиба, которые **Павел Васильев** в стихотворении «**Семипалатинск**» сравнил с верблюжьими горами длинного каравана.

ГОРЬКАЯ ЛИНИЯ

Зимняя ночь серебрится от инея.
 Мирно лежит вдоль российских границ
 Длинная линия. Горькая линия
 Спящих под снегом казачьих станиц...

Казак Виктор Веригин

Строительство казачьих форпостов продолжалось. В 1752 году генерал Киндерман построил **на правом берегу Ишима крепость во имя Петра и Павла – нынешний Петропавловск**. В этом же году воздвиг и целую цепь укреплений, земляных городищ, маяков и редутов, что пролегали **близ горько-солёных озёр** от Яика до Иртыша, потому линия этих военных укреплений была названа **Горькой линией**.

В своём историческом труде «*Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей*» (1832) **А. И. Лёвшин** подробно рассказывает об озёрах Горькой линии – пресных и солёных:

«Арабские и персидские географы именуют Аральское море Ховарезмским, Харазмским и Ургенджским озером, но киргиз-казаки и соседственные с ними народы называют оное Арал Денгис, то есть Островитое море. (*На Арале действительно много островов, один называется: «Барса-кельмес» – «Пойдешь – не вернёшься».* – Н. Ч.) В русских летописях оно именуется Синим, отчего и монголо-татары, около его кочевавшие, назывались у нас *Синею ордою*. Вода в нём не так солонa, как в прочих морях, а близ устьев Аму и Сыра на довольно значительном от берега расстоянии она почти совсем пресная (...)

Нор-Зайсан напоминает европейцам озёра Констанцское и Женевское, ибо чрез него, подобно Рейну и Роне, проходит одна из величайших рек Азии, а именно: **Иртыш** (...) Чрез него переезжали в плоскодонных судах капитан Урасов, поручик Сомов, и потом генерал-майор Лихарёв, посланный в 1720 году Петром Великим с отрядом войска против зюнгаров в верхний Иртыш (...) (*Зюнгары – джунгары.* – Н. Ч.)

Озеро **Чалкар**, или, как называют оное казаки уральские, **Чалкарское морцо**, поглощает несколько речек и испускает из себя проток Аще, впадающий в Урал (...)

Ишимская линия и окрестности оной, равно как и некоторые другие части киргизской степи, столь изобильны озёрами, что всех их нельзя и вычислить...»

Читая описания степных озёр **Лёвшина**, я вдруг наткнулась на фамилию **капитана Рычкова**, к чьим записям обращался известный историк. Рычков, Рычков... Знакомая фамилия... Боже мой! Да ведь это же мой родственник! – вспомнила я. Ну да, конечно! Родная сестра моего деда Павла, **Елизавета Андреевна Бутакова**, вышла замуж за **казака Рычкова**. Скорей всего, он был внуком капитана Рычкова из книги Лёвшина. У наших Рычковых имелась дочь, которая стала казахской снохой и родила нам **сестру Куляш**, о которой мы долго не знали.

Как-то вызвала другая моя сестра, Калисия, врачу к матери, нашей тётке Рите. Врачица осмотрела тётку Риту, выписала лекарства – и не уходит, смотрит

на старую казачку. «Что вы на меня так смотрите? – забеспокоилась тётя Рита. – Говорите прямо: буду жить, или уже кердык?» А врачиха и говорит: «Вы так похожи на мою русскую бабушку Лизу...» Тут и выяснилось, что мы родня, что Куляш – из рода казаков Бутаковых и Рычковых. А тётя Рита прожила 90 лет.

Капитан Рычков из книги Лёвшина, судя по всему, был не только грамотный человек, но ещё имел познания в химии и геологии, если мог делать сравнительный анализ состава соляных озёр, и записям его доверял дотошный в правдивости любой исторической информации Лёвшин, который говорил: *«Главным правилом моим в сем отношении было: ничего не выдумывать и не заменять недостатка положительных сведений мечтательными предположениями...»*

Господи! А у меня в моём эссе сплошные *«мечтательные предположения»*, но я ведь, в отличие от Лёвшина, пишу не строго документальный, исторический труд, а нечто художественное, где *«мечтательные»* моменты допустимы.

Записи Рычкова были научно достоверны, и Лёвшин на них ссылался: **Капитан Рычков** пишет, что на пути от Орской крепости к Тургаю, в 323 верстах от границы русской, лежит озеро **Карсакай**, имеющее от 8 до 10 вёрст в окружности. Оно покрыто слоем из соляных кристаллов, сросшихся так же плотно, как и горная соль. Местами этот слой имеет до 3 четвертей аршина толщины, и по нем безопасно ездят. Под ним находится жидкий зелёный тузлук, в коем попадаются слитки соли удивительной величины. Вкусом и белизной соль сия не уступает илецкой. Из того же озера, по словам **Рычкова**, выходит источник, стремящийся на высоту увала, куда прошед более 0,5 версты, скрывается в водоворотине».

Горькой казачья линия стала не только от горько-солёных озёр, но и от тех драматических событий, что развернулись вдоль её крепостей, станиц и аулов. С тех пор судьбы казаков и кочевых казахов тесно переплетены, и потому в моих заметках будет много казахов – их быт, язык, нравы, войны, их выдающиеся личности, их мудрецы и простые люди. Великая степь!

Русское правительство стало принимать меры к обустройству осёдлой жизни в построенных форпостах и к окончательному укрощению кочевых племён, которые продолжали донимать приграничные русские селения набегами и разбоем, уводили в плен русских людей, а внутри своих кочевий беспрестанно враждовали друг с другом, заливая Степь кровью и промышляя барымтой (кражей скота). Ловкие и дерзкие, барымтачи героизировались степняками (наверное, теми, у кого скот ещё не весь украли или был прибыток от воровского промысла). Но у народа есть твёрдое отношение к ним, выраженное в пословице: *«Вор у других скот крадёт, а у себя – совесть»*.

Абай в тридцать шестом Слове **«Гаклия»** тоже об этом говорит: *«В священных изречениях пророка, благословенного Богом, Мухамеда сказано: “У кого нет стыда, у того отсутствует вера”. Поговорка наших казахов говорит то же самое: “У кого стыд – у того вера”»*. И в этом Слове Абай подробно разбирает такое нравственное понятие, как стыд. У православных **вера** – это тоже синоним *совести*.

Пламя ящерицей юркой

Глянет из костра.

Кто входил под полог юрты –
 Скажет мне домбра.
 Пламя в пепел тонкорунный
 Спрячется на миг.
 Не уйдёт задевший струны –
 Есть у них язык!
 Как струна звенит и плачет! –
Это мой табун
Угоняют. Всадник скачет –
 Он высок и юн.
 Он, поймав звезду в колодце,
 Дать коням велел.
 Как струна моя смеётся,
 Та, что он задел!
 И я кинулась вдогонку,
 Птицею крича.
 Рассекала воздух звонкий
 Гибкая камча.
 Шапку с красною опушкой
 Бросила, спеша.
 Пели пёстрые лягушки
 В синих камышах.
 Журавли, кружась над полем,
 Начали игру.
 Отпустив коня на волю,
 Я взяла домбру.
 Песня сердце жгла, а скулы
 Превращала в лёд.
 Как струна моя тоскует,
 Как его зовёт!

Это сюжет казахского **кюя** «**По взгорьям**», записанный путешественником и музыкантом **Затаевичем** (я музыкальную тему переложила стихами). К кюю прилагались и ноты. **Затаевич**, очарованный мелодиями кочевников, ездил по Великой степи, слушал бродячих акынов, играющих на домбре, которые и сами кюи сочиняли, и исполняли чужие музыкальные композиции. Они слагались без слов, но струны домбры были столь выразительны и красноречивы, что передавали содержание музыки: и пение жаворонка, и журчание ручья, и смех девушки-шалуньи, и гортанные крики джигитов в конных скачках, в азартной байге, и перепады настроения – от гнева до любовного томления, и ритмику бегущего табуна, который угоняли барымтачи, как в кюе «**По взгорьям**».

Стремительное, резкое слово – барымта! В комментариях к «**Истории**» **Е. Бекмаханова** (2011) поясняется, что барымта изначально не была преступлением, а лишь свершением правосудия, которое нынче осуществляют судебные приставы: «...При хане **Тауке** (в начале XVIII века) **барымта** – возмещение самим потерпевшим похищенного у него имущества: если виновный и его со-

родичи (которые всегда несли коллективную ответственность) отказывались выполнить постановление суда, не возвращали похищенного имущества или не платили кун (штраф), то потерпевший (один или при содействии своих сородичей) имел право захватить скот ответчика и его родственников в количестве, соразмерном своему иску. Но в начале XIX века это был уже один из видов явного феодального грабежа, организовываемого султанами. Согласно Уложению 1845 года, барымта – уголовное преступление, разбираемое исключительно царским окружным судом без вмешательства биев».

Барымта сохранилась до сих пор – в том виде, как она сложилась к 1845 году, то есть уголовщина. Существует она не в таких, конечно, размерах, как раньше, но то и дело мы слышим об угоне скота из фермерских хозяйств и с частных подворий. Моя двоюродная сестра перестала держать коров, так как их всё время крали. Лесок неподалёку от её дома в Баяне был усыпан черепами и костями разделанных животных. Говорят, в разгар пандемии коронавируса кражи немного сократились – из-за карантина: на границах некоторых областей были поставлены полицейские блок-посты. Но барымтачи всегда знали тайные тропы, и никто никогда не мог их остановить. Я беседовала с одним таким разбойником. «Зачем, – говорю, – ты крадёшь скот? Ты же молодой, мог бы не такое опасное занятие найти!» – «Если не опасное – мне скучно! Была б война – пошёл бы на войну! Но мы ни с кем не воюем. Скучно...»

Баянаулец Ермухан Бекмаханов рассказывал, что в детстве не мог надолго оставлять их единственную рыжую корову на выпасе, потому что её могли похитить, и он бежал за ней со всех ног, хотя ему хотелось слушать непревзойдённого в наших краях **певца Кали Байжанулы**... Весь аул собирался, чтобы его послушать. Бросали все дела и спешили на его звучный голос, на рокотание живой домбры. Её ладное, вытянутое тело напоминало девичий стан. А в двух туго натянутых трепетных струнах помещалась говорящая, поющая душа. Как девушка, как дикая птица, билась домбра в руках виртуоза, пока он не смирял её, не целовал в узкое лебединое горло, не падал разгорячённым лицом на её грудь.

Скажу немного о **Кали**, раз уж к слову пришлось, раз уж меня понесло в эту сторону. Я ведь какую тему по дороге зацеплю, туда и сворачиваю, а потом опять возвращаюсь на большак, чем и хорош такой жанр, как эссе: не надо придерживаться строгой композиционной линии, ведь и сама жизнь полна лирических отступлений. А уж если вспоминаю о Баяне, то непременно поверну к родной станице, да и перо моё, как резвый конь, почуявший запах дома, несётся во весь опор. Не остановить!

Издrevле баянаульцы отличались песнетворчеством, передавали из поколения в поколение старинные песни. Одну из них я перевела – «**Тучи над Баянаулом**». Возможно, её тоже пел Кали.

Никогда не рассеяться тучам над Баянаулом,
И полдневному солнцу над этой землёй не сиять,
И за красной лисой, что огнём между сосен мелькнула,
Устремляется коршун, но зверя ему не догнать.

Вбиты колышки юрт, и привязан к летовке родимой
Наш притихший аул, и огонь замирает в золе,
Но уже никогда не смогу я увидеть любимой –
Юрты белая птица уйдёт кочевать по земле...

В Баяне рассказывают, что **Кали** забрёл как-то в аул, где **родник Айман** вливается в **озеро Торайгыр**, и там увидел прекрасную девушку, в которую тут же влюбился. Вместо калыма, которого у него не было, он расплатился песнями. Говорят, пел целую неделю. Голос у него был такой сильный, что в ясную погоду его слышали за несколько вёрст. Он завораживал своим пением так, что стихал ветер, переставали перекликаться птицы, останавливалась вода озёр. За эти песни девушку отдали ему в жёны.

Забывал обо всём на свете и мальчик Ермухан Бекмаханов, но страх остаться без коровы, которая кормила всю семью, пересиливал очарование песен. Барымтачи, видно, тоже заслушивались пением Кали – не тронули рыжую корову. Её потом отобрали красные **активисты-бельсенды**, когда раскулачивали аулы. Мясо отвозилось в города, для рабочих, которые поднимали советскую индустрию. В голодомор 1920–1922 годов погибло полтора миллиона населения Казахстана. Голодала и казачья семья Бутаковых – Яковлевых: у них тоже отобрали скот, пашню, сенокосные угодья, мельницу. Активисты радостно рапортовали начальству о своих «героических» успехах: «В Баянаульском районе не осталось ни одного единоличного хозяйства, во всех дворах нет ни одного ягнёнка и даже телят».

К этой печальной странице нашей истории я ещё вернусь.

СТЕПНАЯ «ЖУЗЕЛЬ»

Скажи, из какого ты жуза,
и я скажу, кто ты.

Местная мудрость

Кроме барымты, не кончается среди казахов и **жузовое** разделение людей, даже среди высокообразованных людей, знающих несколько языков, учившихся в Европе и США, и нас, русских старожиллов Казахстана, давно перемешанных со степняками, они спрашивают, откуда мы? И тут же называют жуз, к которому мы можем принадлежать. Так что я, например, благодаря казахам, знаю свой «жуз».

В комментариях к «Истории» **Е. Бекмаханова** даётся научное пояснение: *«Жузы – крупные этнотерриториальные объединения (или союзы) племён, сложившиеся на основе определённого хозяйственно-культурного уклада жизни в эпоху образования казахской народности и её этнической территории в начале XVIII века в период правления хана Тауке. Всего их три (...) К 60-м годам XIX века все казахские жузы вошли в состав Российской империи...»*

Тут вспоминаются заветы казахского мудреца, сказителя-абыза **Акыта-кажи**: «*О, дорогой, отзывчивый сердцем народ мой казахский, не поддавайся раздорам, а будь единоклюнным, сплочённым, мирным народом. Не делись на роды, жузы, места рождения! Дробление по родам приведёт к гибели, недуг местничества – червь, пожирающий здоровую плоть, а у тех, кто делится на жузы – душа темнеет, тоска её съедает...*» Но делиться на роды и жузы народ продолжает. Мои учёные друзья, хоть и подшучивают над собой, перефразируют балет «Жизель»: «*У нас опять “Жузьель”!*» – то есть спор между жузами, но всё-таки при этом важно рассуждают: мол, **Большой жуз (Ұлы жүз)** – это правители, **Средний жуз (Орта жүз)** – учёные, поэты, музыканты и т. д., **Младший жуз (Кіші жүз)** – воины. И всё же деление это условное: и правители есть из разных жузов, и уж тем более поэты и воины. Например, на западе – прославленный воин, но и выдающийся **поэт Махамбет**, а на юге – не только правитель, но и легендарная воительница, царица **Томирис**. Когда на Великую степь двинулись персы во главе с царём **Киром II Великим**, основателем империи Ахеменидов, чтобы покорить племена саков и массагетов, царица Томирис подняла своё войско и разбила персов. Кир II погиб в бою. Отрезанную голову персидского царя Томирис поместила в кожаный мешок, наполненный кровью погибших, со словами: «Ты жаждал крови – пей же её!»

Когда историк **Тацит** говорил о возможности «*чудесного*» рядом со строгими научными фактами, он приводил пример – это амазонки! **Среди выдающихся амазонок древности называют и нашу Томирис**. Первоначально землепроходцы амазонок искали в Америке, на реке Амазонке, а нашли в наших степях. И если за океаном встречались амазонки, то это были, несомненно, наши девушки из индейских племён, скакавшие на стремительных конях и метко стрелявшие из луков со спины, повернувшись в седле, как умели это делать только скифы, саки, а потом – **и казаки**.

Мой «жуз» – моё родное Павлодарское Прииртышье, Семипалатинск и Усть-Каменогорск, которые в самом деле изобилуют именами прославленных деятелей культуры и науки. В Павлодаре есть даже уникальный в своём роде Литературный музей имени Бухар-жырау, где представлены только наши знаменитые земляки старых и новых времён: казахи, русские, татары, немцы и др. Их так много, что не хватает места для экспозиций. Видать, земля наша обладает некой чудодейственной, магической энергией, которая вызывает творческий взрыв. У некоторых из них есть отдельный музей, например, дом-музей **Павла Васильева** в Павлодаре. Васильев – самый выдающийся поэт из русских павлодарцев, классик XX века. Рядом с ним – другой советский классик, прозаик **Всеволод Иванов**, который называл себя в шутку «**Факир Сиволот**», потому что в юности работал в цирке. Родилась я в Баянауле на улице поэта и просветителя и тоже классика советской литературы **Султанмахмуда Торайгырова** (его музей – в ауле Торайгыр, там есть портреты моих бабушки и деда Бутаковых: они были тамырами Торайгыровых). Выдающийся советский классик литературы **Жусипбек Аймаутов** – тоже наш земляк. На въезде в Баян стоит большая скульптура человека с кинокамерой – прославленного режиссёра **Шакена Айманова**. Есть в Баяне и музей выдающегося учёного, **академика Каныша Сатпаева** – разведчика недр, одно время он возглавлял Академию наук КазССР, тоже уроженца нашего аула (когда

Сатпаев приезжал в Баянаул, то на широком дворе Бутаковых геологи ставили свои машины, а сам академик пил чай из самовара с нашим дедом. Уже при мне сотрудники музея приходили к бабушке Тане и расспрашивали о Сатпаеве). Известен и знаток истории, **философ Машхур Жусуп сын Копея**, который хранил свои записи в кожаном бурдюке и всюду возил его с собой.

Одна из его записей посвящена описанию горной части нашего Баянаула: *«Все наши степные горы поднялись из морских глубин, из них – **Баянаульские горы** – самые младшие из всех (...) Если обойти все наши горы, то выйдет по кругу 25 вёрст, в поперечнике – 15 с гаком. И на этом пяточке плещутся волны семи озёр. В 12 верстах от Баянаульской станицы, если глядеть в сторону Полярной звезды, особняком высится **скала Найзатас**. Издалека она похожа на казахский борик. На вершине Найзатаса бьют 9 прозрачных и чистых, как слеза, ключей. Склоны густо поросли соснами, берёзами, карагачом, кругом сочные травы, раздолье для косарей...»*

Машхур Жусуп Копейулы отличался не только учёностью, но и даром провидения: он предсказал многие исторические события, которые сбылись. Говорил о себе, что находится между пророком Мухамедом и святыми и что после смерти 40 лет будет нетленным, потому его следует просто посадить в земляную нишу, но не насыпать могилу, и только через сорок лет похоронить по всем мусульманским обычаям. Так и сделали. Время от времени приходили к нему, обтирали тело – он был живой, он потел. Тлен его не трогал. Через сорок лет провидца предали земле, как он завещал, и возвели над могилой его мавзолеей, куда паломники приходят помолиться.

Знаменитого певца и сказителя **Бухар-жырау** я уже упоминала – его именем назван Литературный музей в Павлодаре. *Жырау – вещий певец, хранитель народных преданий.* **Бухар-жырау** прожил долгую жизнь, родившись предположительно в 1693 году, и умер в 1787-м. Его отец, **Калкаман-батыр** из рода Аргын, передал свою богатырскую силу песням Бухара. Отличался Бухар-жырау и незаурядным умом, что привело его в советники к хану Абылаю. Сам **Абылай** тоже обладал недюжинным умом, искусством дипломатии. Он был успешным правителем, сумевшим объединить разрозненный казахский народ. Но в то же время Абылай был суров, правил деспотично и самовластно. К своим политическим противникам применял смертную казнь, которая до него могла применяться только по приговору народного собрания. И вот такому опасному человеку при власти Бухар-жырау не боялся говорить правду. Смелость певцов часто вела их по краю смертельной пропасти. Разгневанный правитель мог приказать расплавленным свинцом залить горло домбре, а то и самому певцу. Но Бухар-жырау знал силу своего Слова, которое могло и возвысить хана, и повергнуть в прах. Жырау никогда не говорили по мелочам, не вмешивались в будничные дела. И только на великих собраниях или во время великих смут подавали свой голос, потому он имел для народа особый смысл, силу пророческого дара. Абылай знал это и слушал Бухара, смиряя гнев.

По свидетельству восточных писателей, современников Бухара, весь народ, от хана до последнего раба, считал поэта мудрецом и святым. В песнях-толгау, что жырау складывал экспромтом, Бухар давал советы и пожелания Абылаю. Например, когда Абылай-хан задумал воевать с русскими, Бухар сказал:

С русскими в мире живи,
 Злобой себя не трави!
 Если войну ты развяжешь –
 Народ свой потопишь в крови.
 Народ твой – неужто забыл? –
 Венцом тебя царским почтил!

И Абылай послушал своего советника. В 1762 году Абылай-хан присягнул русской императрице Екатерине II, чтобы защититься от Китая.

«Китай готовил грандиозное нашествие на города Туркестан и Самарканд. Встревоженный Аблай отправил аманатом в Пекин своего сына Адила с дарами. Но довольный его покорностью богдыхан вернул Адила отцу с ответными богатыми дарами и милостивой грамотой... – так пишет «История» Бекмаханова, добавляя: – Аблай значительно больше страшился китайцев, чем русских». Этими манёврами ему удалось добиться равновесия в своих отношениях с тем и другим соседом. Он был умным правителем.

В очередной раз, когда Абылай не слушал советов Бухара, жырау спел ему:

Мир с Аблаем не заключу,
 Встречусь в битве – его схвачу,
 Повалю его, сяду на грудь
 И на тело его помочусь!

Сильно сказано! Когда Бухар-жырау спел это, стукнуло ему 94 года. Смерти он, свободный от земных страхов, уже не боялся. Он, поэт и воин, отчёт давал только Богу.

Редкий случай – такая концентрация выдающихся людей на территории одного аула, нашего Баяна.

В урочище **Жидебай под Семипалатинском** родился великий **Абай**: для казахов он такое же «всё», как для русских – Пушкин «наше всё»; и поэт **Шакарим** оттуда. **Усть-Каменогорск** – это сказочник, автор книг для детей: *«Волшебник Изумрудного города», «Урфин Джюс и его деревянные солдаты», «Семь подземных королей»* и других – **Александр Волков**, который писал ещё и исторические романы, а вообще-то был математиком и, переместившись в Россию, стал доцентом Московского института цветных металлов; это писатель **Георгий Гребенщиков** – он родился **недалеко от Шемонаихи, на Николаевском руднике**, его мать – потомственная сибирская казачка, назван он в честь Георгия Победоносца. Первые литературные опыты Гребенщикова печатались в газете *«Семипалатинский листок»*; он встречался с **Львом Толстым**. Гребенщиков написал не только о русских людях Сибири и Алтая, но и о бытие казахов, например, в повести **«Ханство Батырбека»**, где меня потрясла картина страшного **джута**:

«Смертельно застонала степь... Джут мёртвыми ледяными объятьями охватил её из края в край. В одни сутки погибли сотни тысяч киргизского скота, захваченного в степи на пастбище, заоченели десятки пастухов, пристывших к гололедице. Целые табуны лошадей и жеребят, тесными группами, рассеянные

ми одиночками окоченели, стоя в глубоком снегу, и, обледенелые и опущенные снегом, представляли выставку уродливых изваяний, страшных в своём мёртвом безмолвии и неподвижности... Местами рядом с лошадьми, прильнув к ним и застывши вместе с ними, стояли, сидели и лежали человеческие статуи, как в броню закованные в ледяную кору и подёрнутые узором из снежных кружев (...) Там, пригнувшись к гриве, на мёртвой, опустившей зад и увязшей в заледелом снегу лошади, сидел маленький Куанышка. Он весь блестел на солнце, будто вместе с лошадыю был выкован из серебра... А впереди его, широко шагнувший, с распротёртыми руками и запрокинутой назад чёрной головой, в окостенелом капе стоял Байгобыл. Похоже было на то, будто он страшно быстро бежал и отчаянно кричал на небо Аллаху, но, не дождавшись ответа, так и застыл, утопая в снегу...»

Писатель **Ефим Пермитин**, лауреат Госпремии РСФСР, – тоже уроженец Усть-Каменогорска. Он писал о природе Алтая, стал издавать первый в стране журнал «*Охотник Алтай*». Родом из села **Шемонаиха** советский классик прозы **Анатолий Иванов**, которого все знают по фильму «*Тени исчезают в полдень*» – события его романа разворачиваются как раз на таёжном Алтае и в Сибири, среди сибирских казаков. В Шемонаихе вам обязательно покажут **утёс Марии**, с которого сбросили героиню романа. «*Жестокый век, жестокие сердца...*» А начинал Анатолий Иванов свой литературный путь в Семипалатинске, в газете «*Прииртышская правда*», где сочинял заметки о сельской жизни, не выезжая на место, и они были правдивы: он хорошо знал и русскую деревню, и казахский аул. Известен и его роман «*Вечный зов*». Иванов – лауреат Госпремии СССР и Герой Социалистического Труда. Женившись на семипалатинской татарке, Иванов уехал в Москву и там прославился. Долгие годы возглавлял литературный журнал «*Молодая гвардия*».

Если и дальше перечислять наших знаменитостей – не хватит места. И все они – из моего «жуза», и мне есть чем гордиться!

* * *

Жузы, племена... Пусть в этом всё-таки разбираются казахи – это не нашего ума дело. А вот что тревожит – когда люди начинают делить друг друга по чистоте крови: кто – истинный казах, кто – «белая кость», чингизид, кто – шала-казах, смешанный с русскими, а кто – «китайский казах». Выходят на митинги, смещают с высоких постов «чужих» казахов, дерутся, раздувая опасное пламя, которое может спалить и нас с вами, и соседей, и самих буянов.

Но как бы люди ни разделяли друг друга, они в то же время стремятся к слиянию, возникают смешанные браки. Однако всё равно в казахской семье муж и жена до сих пор хорошо знают, кто из какого племени, и уж тем более старики строго следят, чтобы не было кровосмешения.

В казахском фольклоре осталось немало печальных плачей девушек, которых выдавали замуж в дальние аулы, потому что в ближних – все родственники. За невестами в чужие края ходили не только казахи, но и многие другие народы. В угро-финском эпосе «**Калевала**» рассказывается об этом; и **в былях казаков**, которые тоже привозили себе жён из дальних стран; и в русских сказках смельчаки ходили за шемаханскими царицами, заодно в садах восточных ло-

вили жар-птиц, доставляли диковинную добычу своим князьям. Так в богатых русских усадьбах появились павлины.

Казахская мудрость гласит: если ты не знаешь своих предков до седьмого колена – ты сирота. Каждый казах должен знать своё **Родословие-шежіре** до седьмого колена, чтобы избежать инцеста и чтобы помнить историю своего рода – фундамент отчего дома, окна которого смотрят в Вечность. Знание родословной до седьмого колена – похвальное правило, которое бы и нам не помешало, а то ведь дальше родителей и бабушек-дедушек никого не знаем. Прадеды и более дальние родичи для нас тёмный лес. И как нам объяснить и понять себя, не зная истоков?

С БОРУ ПО СОСЕНКЕ

След сабельки на темени,
Упёрся в бок кулак.
Какого войску-племени,
Откуда ты, казак?

Назову несколько казачьих образований: Запорожское, Донское, Кубанское (как часть Донского), Яицкое (Екатерина II переименовала его в Уральское), Оренбургское (как часть Яицкого), Гребенское (Терское), Сибирское, Семиреченское (как часть Сибирского), Забайкальское, Приамурское (тоже как часть Сибирского). Известны и другие. У первых казаков не было такого разделения. Это была единая семья, спаянная одинаковым образом жизни, обычаями. Во главе казачьих ватаг стояли выбранные казачьим кругом атаманы – наиболее умные, закалённые в боях, уважаемые в казачьей среде: им вручался символ власти – **булава-пернач** («пернач» – от слов: «перо, оперенье», как оберег). Многие вопросы казаками решались, и теперь решаются, демократическим путём, а удар пернача по столу означает: решение принято, и можно кричать: «Любо!» Деление на войска появилось позже, когда царская власть решила взять вольных казаков под свой контроль.

Наш род относится к Сибирскому казачьему войску, расселившемуся вдоль Горькой линии. Войско было сформировано правительством изначально как служивое, как регулярная армия. Потом появились и другие войска, подвластные государству, но вначале – до вмешательства государства – сибирские казаки были вольной дружиной, которая подчинялась только своим атаманам и есаулам. Со временем сибирские казаки, ставшие войском и приученные к дисциплине, начали презрительно отзываться о разбойной вольнице: «Ремок на ремке, варнак на варнаке», а разбойная вольница, те же уральские казаки, которые до последнего не хотели покоряться царской власти, не признавали сибирских, считая их непервородными и продавшимися Москве, хотя и сами часто союзничали с Москвой. Многие перешли к сибирским казакам, тот же яицкий атаман **Матюша Мещеряк**.

Н. В. Леденёв в начале XX века в своей книге «История Семиреченского войска» (1909 г., Верный), так пишет о Сибирском казачьем войске:

«**Сибирское казачье войско** не было, подобно Донскому, Яицкому, Запорожскому и части других казачьих войск, уже не существующих, продуктом вольной колонизации окраин Московского государства всякими недовольными тогдашними порядками людьми. Оно образовалось всецело по инициативе самого русского правительства, заселявшего обширную страну воинскими людьми принудительно.

Сибирские казаки никогда не были “вольными”, а всегда исключительно служилыми, хотя ядром для них и послужила **Волжско-Камская вольница**, уцелевшая от знаменитого сибирского похода атамана **Ермака Тимофеевича**.

Как известно, после разгрома казацкой дружины сибирскими туземцами единственный из оставшихся в живых атаманов – **сподвижник Ермака – Мещеряк**, узнавши о гибели своего предводителя, вместе с царским воеводой Глуховым, сидевшем в Искере, спасаясь от воспрянувших духом татар, кинулись на стругах вниз по реке Иртыш, всего с сотнею или полуторами уцелевших казаков и других служилых людей. Приплывший к этому времени с Руси, с сотнею человек, воевода Мансуров так же пустился за Мещеряком и Глуховым по Иртышу и, нагнавши их при устье этой реки, здесь зазимовал.

С наступлением весны 1586 года соединённый отряд двинулся обратно на Русь, плывя вверх по рекам Конде, Лозве и Сосве, но здесь он встретился с новым, подошедшим на подмогу царским отрядом под начальством воевод: Мяснова, Сукина и письменного головы Чулкова. Отступившие повернули назад и с подошедшей подмогой соединёнными силами направились реками Лозвою и Тавдою опять на Искер, чтобы отбить эту ханскую ставку от завладевших уже ею сородичей сибирского хана **Кучума**. Но, не достигнув в этом году Искера, вынуждены были зимовать (...) на реке Пуре, при впадении в неё реки Тюмень, заложив здесь первый русский укреплённый в Сибири пункт – **Тюменский острог**. **Заложение этого острога следует считать и началом образования так называемых Тюменских казаков, то есть началом фактического образования казачества в Сибири.**

В 1587 году голова Чулков, получив с Руси подкрепление в 500 человек, взял Искер и недалеко от него заложил известный впоследствии **Тобольск...**»

С появлением Тюменского острога и Тобольска Московское правительство, во главе с тогдашним правителем государства **Борисом Годуновым**, принялось за освоение Сибири и поиск мирного союзничества с её народами. Но редко когда мир обходится без войны. Увы! *«Хочешь мира – готовься к войне!»* – так говорят. Может, когда-нибудь эта старая мудрость перестанет быть мудростью, а сменится другой: *«Хочешь мира – сам живи мирно...»*

* * *

Сибирское казачье войско собиралось, что называется, с бору по сосенке на протяжении долгого времени. Леденёв перечисляет новообретённых казаков: сосланный в Сибирь **запорожский атаман Михайло Скиба** и малороссийский **гетман Демьян Многогрешный** (кличка красноречивая!); были обращены в казаков 137 **запорожцев-гайдамаков** партии известных **Железняк и Гонты**, захваченных в Польской Украине после уманьской резни (в резне этой уничтожено большое количество евреев); были вовлечены и выпущенные из острогов **«ссылочные невольники»**. Да, разбойник на разбойнике и разбойником погоняет! Но из этого криминального сброда было сформировано

дисциплинированное, боеспособное войско – усилиями правительства, но в первую голову – атаманов, есаулов, сотников, с помощью жёстких и справедливых правил казачьего круга.

С 1797 по 1880 год были призваны в войско более двух тысяч малолеток – сыновей отставных солдат, живших в Тобольской губернии. Сюда же зачислили и 5380 душ крестьян казённых селений Тобольской и Томской губерний, а потом стали брать и из соседних с Сибирью малоземельных губерний. Примкнули к войску и бунтари Дона и Урала. После войны с Наполеоном **в казаки подались пленные французы**, отбывавшие ссылку в Сибири и привыкавшие к сибирским морозам. Брали в войско даже инородцев-азиатов, которые соглашались принять православие. Вот такой разношёрстный народ и составил к концу XIX века **Сибирское казачье войско**, хорошо обученное военному делу.

Продолжается и теперь пополнение казачьих рядов – не только в Сибири, но и на Урале, и на Дону, и на Кавказе. Поднялось казачье племя, придавленное к земле революционной бурей и Гражданской войной, поднялось, расправило крылья, восстало из пепла! Вновь открылись казачьи кадетские училища, создаются казачьи дружины, военные подразделения.

Казакон стал бразильский доброволец, воевавший на Донбассе.

Бывший российский посол в Украине, уроженец Оренбурга, **Виктор Черномырдин** пил чарку водки с казацкой шашки, став казаком и обрядившись в баранью папаху. *«Отродясь такого не видели, и вот опять!»* – одна из его «знаменитых» фраз. В Оренбуржье открыт музей, посвящённый Черномырдину, где есть экспозиция, целиком состоящая из его парадоксальных летучих выражений. Они давно ушли в народ и весьма популярны, например, эта: *«Хотели, как лучше, а вышло, как всегда»*.

Бárда еврейского происхождения **Александра Розенбаума** тоже приняли в казаки – за его «казачьи» песни.

У моей школьной подруги Аллы Корнаковой отец, **Степан Кириллович Корнаков**, был из забайкальских казаков, из крещёных бурятов, а мать, **Антонида Дмитриевна Исаковская**, – казачка из польских ссыльных, перешедших из католичества в православие. Встретились они в Сибири, на Байкале, где Корнаков служил. Прекрасная полячка поначалу не хотела за него замуж, горделиво отказывала, фыркала, выкидывала в окно его цветы. Не сумев уговорить её лестью и подарками, он пригрозил, что вымажет её ворота дёгтем, а это было ужасным позором в старой деревне, и гордая полячка сдалась, но не простила ему восточное коварство. Степан Кириллович всю жизнь посвятил армии, как и его предки-казаки, кочуя с семьёй по военным гарнизонам страны, – так и оказался в Семипалатинске, выйдя в отставку в чине подполковника. Это был весёлый и очень добрый человек, мы все его любили, а Антонида Дмитриевна – суровая, неразговорчивая казачка, которая, как ни придёшь к ним, сидела у окна и курила горькую папиросу. Её мы побаивались.

Степан Кириллович рассказывал, посмеиваясь, что казаки любили подшучивать друг над другом, в том числе над своими сослуживцами – выходцами из бурятов. У бурятов есть национальный танец «Ёхор»: сходятся в круг нарядные танцоры и с птичьими криками кружат, как степные журавли. Так вот, казаки придумали называть бурятов **«Ёхорный бабай»**. Такая присказка бытует в Сибири до сих пор. Степан Кириллович и сам был большой шутник. Как-то

на лавочке возле его дома присел сосед, а Корнаков подкрался да сбросил с забора kota на голову соседа. Тот от неожиданности подскочил выше забора. Мальчишеское озорство осталось в Степане Кирилловиче до старости.

В семье Корнаковых готовили бурятские **бозы**. Похожее блюдо есть и у других народов, например, китайские уйгуры делают **манты** – с тыквой и травами, и мы их делаем, переняв у переселенцев из Китая; кавказцы лепят **хинкали**. Рецепт один: мясо, затейливо завёрнутое в тесто, готовят на пару. Буряты делают на тесте тридцать три защипа – по количеству складок на одежде буддистских монахов. Еда до сих пор имеет сакральное значение. Русские перед началом трапезы читают молитву. Тюрки перед трапезой произносят слова **благодарения**, а по окончании ее **благословение** – **бата**. Буряты бросают в очаг бозы – так они показывают своё почтение богу огня.

С моей мамой в столовой семипалатинского обкома партии работала поваром **Дуся Кураж** – казачка из французов разгромленной наполеоновской армии, которые осели в Сибири. Вероятно, её предки были направлены служить в казачью крепость Семипалатную. Здесь семья Кураж и задержалась на пару веков. У мамы было два повара: татарка Мадина и казачка Дуся. Отличались они тем, что Мадина подворовывала, а Дуся плясала. В минуты перерыва в столовой они с моей мамой отплясывали под балалайку так, что кафельный пол звенел. Балалайку купили в складчину. Озорничая, Дуся закладывала в лиф куски теста, что заводилось для беляшей, тесто от жаркой груди Кураж на глазах у всех начинало подниматься, что добавляло веселья. Фамилия Дуси совпадала с **характером казаков**: они любят **кураж**!

Об этом казачья припевка:

Скажет так и перетак,
Пустится впрысядку.
Ох, куражится казак,
Мучает трёхрядку!

ИМЯ – ЭТО СУДЬБА

Что в имени тебе моём?

А. Пушкин

Наши Бутаковы, судя по воспоминаниям стариков, пришли в Казахстан всё же с дружиной Ермака, а вот откуда, где примкнули к Ермаку Тимофеевичу – неизвестно. При крещении атаману было, наверное, дано обычное русское имя. Ермак – кличка. Ермаком, ермачком на Волге называли котёл для варки пищи. У Даля есть ещё одно значение: ермак – малый жернов для ручных крестьянских мельниц; ермолить – что-то мять, тереть, драть, чесать, скрести. Словечко это вятское, что может намекать на то, из каких краёв род атамана, но казаковать он стал на Дону. В XVI веке фамилий не было: по отцу называли, а чтобы различать, давали клички. Клички нужны были и чтобы защититься от злых сил, отвести их от настоящего имени, данного при крещении: оно имело сакральное значение. Иногда клички возникали от местности, откуда человек родом. Например, правая рука Ермака, атаман Матюша Мещеряк – от Мещёры: он мещёрский. Раньше Мещёра была татарская, в её лесах сидели соловьи-

разбойники, сбивавшие свистом (ультразвук?) богатырских коней. Потом соловьёв-разбойников повывели, Мещёра вернулась на Русь, стала кличкой отважного атамана Матюши Мещеряка.

По месту проживания называли и русского богатыря (атамана) Илью Муромца – из Муромца, из деревни Карачарово, окружённой дремучими лесами, еловой гущей, потому у богатыря была ещё одна кличка – **Гуща**. Его потомки, которые и ныне проживают в Муроме, носят фамилию Гуцины. Когда я попала в сырые муромские леса, меня охватил страх: они стояли чёрной стеной. После наших светлых, радостных сосновых боров муромские леса показались мне зловещими: из непроглядной тьмы сверкали звериные глаза, ухали не то совы, не то лешие. Древние ели, подёрнутые голубоватой плесенью, сцеплялись ветвями, образуя крепкий заслон – не пускали в гущу. Такая гуща – рай для разбойников!

Илья Муромец не только воевал против Половецкого поля, но предки его и роднились с половцами – это доказали советские учёные, когда исследовали мощи богатыря, упокоенные в пещерах Киевско-Печерской лавры: его череп показал монголоидные черты. Дабы убедиться, что это действительно мощи Илья Муромца, исследовали и кости скелета – и обнаружили болезнь позвоночника, из-за чего богатырь тридцать лет и три года пролежал на печи в параличе, но потом пришли перехожие волхвы и вылечили его, и такая сила обнаружилась в дюже молодце Илье, что однажды он побил половецких разбойников одним своим чоботом-сапогом, который не успел надеть. С тех пор у него появилась ещё одна кличка: **Чоботок**.

Так и Ермак получил кличку. Но кто знает, может, и тут не обошлось без татар? Без татарского имени **Ермак**? У тюрков (татар, кумыков, турков) есть ещё слово «**Ирмак, Ырмак**» – *«река, поток»* (*Кызыл-Ирмак, Делядже-Ирмак, Ешил-Ирмак*) – на это указывает «Словарь народных географических терминов» Э. М. Мурзаева (Москва, «Мысль», 1984). Может, **Ермак** отсюда, от **Ирмака**? Я, конечно, не лингвист, но слышу некое созвучие. **Ырмак** – поток, река: из родовых материнских вод пришёл Ермак, водами великой сибирской реки Иртыш взят. В имени его было предсказание судьбы. (*Подробнее о Ермаке – в главе «Ермак и Кучум».*)

* * *

Русские сказки, как про соловьёв-разбойников, так и прочие, строились не только на фантастических сюжетах с неперемными элементами чудесного, небывалого, но были ещё и хранилищем древних знаний, которые передавались через доступные и детскому уму формы. Кстати, существовал реальный человек, вероятно, половец, – с кличкой Соловей, который разбойничал в муромских лесах, а потом встал на сторону богатыря Илья Муромца. Смуглолицый, раскосый **Соловей Бахметьевич**.

А вот сказка о мальчике, что попадает в избушку лесной старухи **Бабы-яги** (*тюркское «Баба-ага»?*), а та сажает мальчика на лопату и суёт в печь. Пряма-таки страшилка! А на самом деле, предки наши рассказывали нам в этой сказке, как лечить недужных младенцев: их оборачивали тестом и на лопате-хлебнице от-

правляли в тёплую печь. Младенец, ясное дело, орал от страха, а тесто и печь делали своё дело: забирали из младенческой плоти хворь. Потом, когда излеченное дитё вынималось из печи, тесто с него снимали и корки выбрасывали собакам. Отсюда, наверное, и присказка пошла: «У малютки зажииви, у собаки заболи!» Баба-яга, конечно, лесная нечисть, но и знахарка, ведунья.

Вот ещё один пример – уже не сказочный, а реальный, о «запекании» хворого дитёнка в печи. Раньше в широкой русской печи даже парились, как в бане.

В книге «Державин» **В. Ходасевич** пишет о младенчестве **поэта Державина**, рождённого 3 июля 1743 года не то в Казани, не то в одной из деревушек под Казанью и крещёного в день архангела Гавриила, по святому Гавриилу и нарекли мальчика, которого мать нежно звала «Ганюшка»: *«От рождения был он весьма слаб, мал и сух. Лечение применялось суровое: по тогдашнему обычаю тех мест, запекали ребёнка в хлеб. Он не умер. Было ему около года, когда явилась на небо большая комета с хвостом о шести лучах. В народе о ней шли зловещие слухи, ждали великих бедствий. Когда младенцу на неё указали, он вымолвил первое своё слово: Бог!»*

* * *

До Ермаковского похода Бутаковы имели хутор и усадьбу с яблоневым садом на Днепре (не помню, кто из родных об этом обмолвился), и выходит: они из тех первых казаков Запорожской Сечи, о которых писал Гоголь в «Тарасе Бульбе», да не простых казаков, а богатых, раз имели хутор и усадьбу, но могли в одночасье побить все горшки и уйти в казачье кочевье – на войну или на молодецкий разбой. Об этом Гоголь тоже говорит. Вольный казак не дорожил добром: как оно к нему приходило – так и уходило. Берёт только друга-коня да шашку-подругу. С шашкой он не расставался даже в церкви, при молитве.

В русском языке «**бута́к**» – от глагола «**бута́ть**», который в разных говорах имел разное значение: «шумом, стуком пугать рыбу», «шить». Вряд ли наши Бутаковы портняжили, а вот рыбу пугать могли, издревле живя на разных реках – больших и малых. Некоторые **Бутаковы** – **дворянский род**, внесённый в 6-ю часть Родословной дворянской книги Костромской губернии. Среди костромских Бутаковых много мореходов, или профессия их связана с морем, так что, возможно, Бутаковы совсем из ранешних казаков – поморов-ушкуйников, пришедших на Волгу из Беломорья, и такие же рослые. На Волге и могли примкнуть к Ермаку. Следы Бутаковых «из дворян» обнаруживаются как в средней полосе России, так и в Прибалтике, и в Сибири, и в Средней Азии, но к этой ли ветви мы относимся, я пока не выяснила, хотя считается, что все однофамильцы – родственники.

Известен знаменитый **путешественник и учёный Бутаков**, который бывал в Казахстане. Он в 1843–1849 годах исследовал Аральское море, открыл ряд островов, составил первое географическое описание и карту Аральского моря (изданы в 1850 г.). Ещё я о нём знаю, что со своей женой, Ольгой Николаевной, урождённой Безобразовой, они в Оренбурге взяли на воспитание девочку, дочь военного врача и казашки, оставшуюся сиротой. Звали её Татьяной.

Был ещё **казак Бутаков**, который умирал в Казалинске яицких казаков, «уходцев» – они там пропадали в ссылке после бунта против введения регулярной службы для казаков, привыкших к вольнице; продолжали бунтовать и на знойном степном юге Казахстана.

КАЗАЧИЙ МЯТЕЖ

...А у крепости начинались трубы,
 Стучали копыта, пыль мела,
 Джигитовали, кричали: «Любо!»
 Булькали железной водой удила.
 Род за родом шли на рысях,
 С маху плетью стелились махом,
 Останавливались, глазом кося,
 Кланялись есаульским папахам.

Павел Васильев

Правители неоднократно пытались загнать казаков на государеву службу. Например, **царь Фёдор – сын Ивана Грозного** боролся с яицкими казаками. Казаки мешали царю вести сложную игру с ногаями. Казаки ногаев грабили и побивали, а царь, заигрывая с ногайской ордой, унижал казаков перед «ногайскими конокрадами», заставляя вернуть им всё, что казаки взяли. Это ещё больше озлобляло казаков. Если бы яицкие казаки знали, как они крепко породнятся с ногаями! (*Об этом в главе «Бабушка Гугниха».*)

Царь Фёдор направил на Яик указ о переходе всех казаков на государеву службу и о прекращении самоуправства. Кое-кто подчинился указу, но большинство уклонилось и продолжало вольную жизнь, никому, кроме своих атаманов, не подчиняясь. Тогда царь повторил указ: «...Для тое службы велел Государь Яицким и Волгским атаманам и козакам идти в Астрахань... всех козаков в Астрахани собрати для Шеквальские службы: Волгских 1000 человек, да Яицких 500».

Долго власти бились, чтобы укротить своевольных яицких казаков. Удалось это только **Екатерине II**, взошедшей на престол путём переворота и устранения своего чудаковатого мужа Петра, который не вышел из детства и продолжал играть в солдатики. Он был вроде бы задушен. Потом будет так же задушен сын Петра и Екатерины, император Павел. Обычное царское бытие.

Холёная женская ручка Екатерины оказалась железной – не только расправилась с мужем, но и казаков посадила в «клетку» своего верховенства. Шли они против неё вместе со степными кочевниками – всех прижала к ногтю!

*Разве мыслимо вольницу,
 Да в железную клеть?
 Разве мыслимо воину
 Не в бою умереть?
 Пролетающий ворон,
 Ты не каркай, молчи, –
 Не убийцу и вора
 Повезли палачи.
 Если сердце на воле
 Нагулялось, палач...
 Молодецкое поле,
 Помяни и не плачь!*

А удача взлетала
 На коне молодом,
 В степь ночную скакала
 За Итиль и за Дон.
 Гарцевала удача,
 Может, день, может, год –
 Пусть же старая кляча
 Клетку нынче везёт.
 Повезут Пугачёва
 В белокаменный град,
 Усмирённые сёла
 На него поглядят.
 Разве вольную волю
 Кто-то в цепь закуёт?
 «Ты прощай, наш соколик!» –
 Тихо степь пропоёт...

Стихи эти – «Клетка Пугачёва» – написал наш казахстанский поэт с толикой казачьей и тюркской крови **Геннадий Кругляков**, из семьи старообрядцев, бежавших от преследования их веры в Сибирь. Геолог по профессии, Геннадий странствовал с экспедициями по стране, так попал в Казахстан и остался здесь, очарованный красотой и многообразием природы, а также поэзией казахских легенд и сказаний, на которые тут же отозвалась его тюркская прапамять – и вызвала взрыв вдохновения! Встретил он здесь и казаков – сибирских и яицких, тоже близких ему по духу, по страсти жизни, по сильным, бунтарским характерам.

После подавления восстания донского казака **Емельяна Пугачёва**, который пришёл на Яик, и объявил себя законным **царём Петром III**, и сказал, что Пётр выжил – это был уже пятый самозванец! – и грозил «узурпаторше» Екатерине, поступали с несговорчивыми казаками сурово: восстание могло привести к новому государственному перевороту и раздраю в стране.

Владислав Ходасевич, эмигрировавший из России, посвятил **восстанию Пугачёва** несколько страниц в романе «**Державин**», написанном в изгнании, во Франции (на родине эта книга вышла через шестьдесят с лишним лет).

Кстати, пробующий поэтическое перо Державин в 1773 году служил в гвардии в Петербурге. Рано потеряв отца, воспитанный вдовой-матерью, которая сэкономила каждую копейку, чтобы поднять детей, Гавриил Романович с трудом пробивал себе дорогу в жизни. После долгих хлопот с его стороны он был прикомандирован к следственной комиссии Бибикова, разбиравшей дела сообщников Пугачёва, и усердный в службе Державин, искавший не только рифм, но и высоких чинов, чуть не повесил семью будущего **баснописца Крылова**, которая тоже была на стороне повстанцев. Бог отвёл карающую руку судьи!

Вот что пишет Ходасевич о Пугачёве: «*Пугачёв сумел собрать вокруг себя огромные толпы недовольных яицких казаков, башкир, калмыков, киргиз, чувашей, мордвы и господских крестьян, бунтовавших против помещиков. Мрачные вести пришли в Петербург как раз во время бракосочетания великого князя Павла Петровича с принцессою Вильгельминой Гессен-Дармштадской. Отношения Павла*

Петровича с Екатериной были недружеские. Павел считал, что мать незаконно лишила его престола. К тому же он сам принадлежал к числу людей, не вполне веривших в смерть Петра III. Весть о Пугачёве явилась на брачные торжества, как призрак убитого императора, и придавала им несколько злоеущий оттенок. Екатерина была глубоко встревожена. Между тем дела становились всё хуже и хуже. Пугачёв со своими сообщниками (Ульяновым, Мясниковым, Белобородовым и проч.) захватывал одну за другою крепости, расположенные по течению Яика. Илецкий городок, Рассыпная, Нижне-Озёрная, Татищева, Чернореченская, Сакмарский городок, Пречистенская были взяты. Продвигаясь на северо-восток, Пугачёв подошёл уже к Оренбургу и 5 октября начал его осаду...»

Пушкин в повести «**Капитанская дочка**» тоже прослеживает путь казачьего вожака на Яике и составляет его портрет по воспоминаниям старых казаков – за казачьими былями поэт ездил в Оренбург и Уральск: «Он (Пугачёв. – Н. Ч.) был лет сорока, росту среднего, худощав и широкоплеч. В чёрной бороде его показывалась проседь; живые большие глаза так и бегали. Лицо его имело выражение довольно приятное, но плутовское. Волоса были обстрижены в кружок; на нём был оборванный армяк и татарские шаровары». Таким предстал Пугачёв перед Петрушей Гринёвым, когда они встретились в глухой азиатской степи, где застал их буран, на постоялом дворе, который держал пожилой **яицкий казак**.

«Я поднёс ему (Пугачёву. – Н. Ч.) чашку чаю; он отведал и поморщился: «Ваше благородие, сделайте мне такую милость – прикажите поднести стакан вина; чай не наше казацкое питьё»».

Сибирские казаки, против донских, к коим принадлежал Пугачев, были водохлёбами, переняв у кочевых казахов привычку к чаю. Наша бабушка Таня могла выпить целый самовар. Семье заваривала «*шипишку*» (шиповник), а для себя приберегала «кирпичный чай» (чайный лист, прессованный в плитки). Присказка у неё была – на казахский опять же манер: «*Чай кирпичный, вода иртышный*». Подгулявший дед Павел грехи замаливал «кирпичным чаем».

Когда казаки захватили Белогорскую крепость, где служил Гринёв, Пугачёв явился уже в другом образе: «*Пугачёв сидел в креслах на крыльце комендантского дома. На нём был красный казацкий кафтан, обшитый галунами. Высокая соболья шапка с золотыми кистями была надвинута на его сверкающие глаза...*»

О мятежном Яике пишет и **Виктор Чеботарёв** в историко-документальном очерке «**Уходцы. Мятеж в уральском казачьем войске в 1874 году**» (*журнал «Гостинный двор», № 16, 2005, Оренбург*):

«...Отзвуки Крестьянской войны под предводительством Пугачёва долго продолжали жить в среде непокорного Яицкого казачьего войска, переименованного Екатериной II в Уральское, местные мятежи против наступления на древние казачьи вольности вспыхивали здесь в 1807 году, в результате чего были казнены, лишены казачьего звания и **высланы на поселение в Туркестан и на каторгу в Сибирь** от трёх до пяти тысяч казаков. Но и там, будучи в ссылке и на поселении, бывшие яицкие казаки упрямо продолжали сопротивляться.

...В марте 1874 года император Александр II утвердил для уральских казаков новое Положение о воинской повинности. Объявленный закон показался казакам жестоким и несправедливым...

Раньше каждый казак, по зачислению в строевой состав, пользовался правом нанять на службу вместо себя другого. Нанявшийся получал от нанимателя денежную “подмогу”, которая создавала хозяйству “охотника” экономическое обеспечение. Теперь право найма “охотника” в первые три года отменялось и переносилось на длительное время, да и то в случае наряда на внешнюю службу. Первые же три года молодой казак обязывался самолично нести военную службу с отрывом от дома. Военнообязанный казак по истечении первых трёх лет службы зачислялся на службу в “полевой разряд”. По новым правилам, он должен последующие семь лет ежегодно в полной готовности являться на трёхнедельные учебные сборы, причём – летом. Это означало, что будет отнято дорогое время, потребное на сенокос, уборку хлебов, неводное рыболовство и т. д. Кроме того, следовало бы учесть врождённую способность казаков в военном деле и не требовать от них ежегодной учёбы...»

Наш дед, Павел Андреевич Бутаков, в молодые годы так же каждое лето отправлялся на военные казачьи сборы из Баянаула в Павлодар, уже в начале XX века, оставляя хозяйство на стариков и женскую половину семьи, тем более что сибирские казаки изначально были государевой армией. А вот его младшие братья, **Николай** и **Георгий**, служили уже в Красной армии. **Николай Бутаков** участвовал в Великой Отечественной войне и в 1942 году был убит под Волховом. Его имя выбито на памятной стеле погибших земляков, установленной в Баянауле.

В самом начале внедрения царского Положения в военную практику оно встретило яростное сопротивление уральских казаков и стоило немалой крови, многих сломанных казачьих судеб, в том числе и казаков **Черновых**, которые жили не только в Оренбурге, но и в Уральске. Это одна из старейших фамилий яицкого казачества, смуглых обличем – возможно, от калмыков, башкир или ногайских татар, богатырской породы, степенных и разумных нравом, но со своей казачьей правдой. Мой дед **Тимофей Чернов** гнул подковы, одним ударом кулака раскалывал дубовый стол, мог и человека убить, потому, зная свою силу, никогда не вступал в драку и жену свою **Пелагею** даже пальцем не трогал, на что она, провинившись, обижалась: «Лучше б ты мене побил, чем в молчанку играть! Видать, не любишь...» На что дед отвечал: «Сама знашь, если я тебя ударю – зараз убью, потому так терпи!»

«Утром 28 мая 1875 года жители города Уральска встревожились печальным зрелищем.

По улице, ведущей к переправе через Урал, вводили под конвоем первую партию ссыльных казаков числом в 147 человек. Шли они бодрым шагом, гордо приподняв головы, не глядя по сторонам (...) По официальным сведениям, на 17 августа 1876 года из войска было удалено непокорных казаков 2456 человек, не считая состава их семей...» Казаки не сдавались, писали царю, и депеши эти окольными путями, но попадали в Петербург: «Мы незаконно, незаслуженно сосланы, верните нам казачье звание, освободите от поселения, новое Положение о воинской повинности настаиваем отменить, как тягостное...»

Почти в каждом обращении содержалось напоминание о былых казачьих вольностях: «Нам ещё блаженной памяти государь Михаил Фёдорович подарил Яик и свободу, а сейчас хотят заставить отказаться от старинной царской милости...»

«Истязания и жестокости продолжаются с ещё большей злобой, – писали казаки в жалобах царю. – Нас стали заковывать в цепи, подвергать разного рода телесному наказанию, бьют ружейными прикладами, пятиконечными кнутами, по пятьсот ударов, рвут с кровью бороды, посыпают раны солью, по нескольку дней кряду морят голодом... Да ещё вяжут руки назад так, что пальцы лопаются, а иной раз раздетыми связывают спинами вместе, а потом через сутки раздирают с телом до костей...»

Господи! Неужели и уральские казаки **Черновы** претерпели эти нечеловеческие муки? Но их в самом деле рассказали и отправили в ссылку. Этапы этой ссылки мне неизвестны, знаю только, что дед Тимофей Максимович Чернов родился на сибирском Алтае, в селе **Новенькое**, в конце XIX века. Потом семья переехала в деревню Бородулиху под Семипалатинском, окружённую сосновым бором и озёрами. Черновы были богаты, как и многие казаки в их деревне. При мне в семье отца уже никаких казачьих обычаев не наблюдалось, а укоренились нравы курских переселенцев из деревни Корнево, оказавшихся в наших краях **по указу Столыпина**, к коим принадлежала матушка моего отца **Пелагея Ивановна Стародубцева** – из бедного крестьянского рода, работавшего прежде на барщине. Рано оставшись без **тяти**, как звали Тимофея Максимовича дети, которого раскулачил и уничтожил брат Пелагеи Ивановны – красный активист, нищеврод, бездельник и пьяница **Андрей Стародубцев**, семья казака **Тимофея Чернова** была полностью под влиянием матери и её родичей и потому забыла все казачьи обычаи.

Андрей не пощадил и родную сестру, выгнав её с детьми на мороз, избу их раскатал по бревну и вырубил тополёвую рощу: Тимофей Максимович, как рождалось у него дитё, сажал тополь. Андрей вырубил, будто род Черновский вырубал – так ненавидел богатого родственника-казака! Пелагея Ивановна вырыла землянку, и семья кое-как перезимовала. Потом вместе с детьми слепила мазанку, завела огород с **гарбузами-тыквами, вязилем-горохом** и, наконец, посадила вишенник – в курской деревне у Стародубцевых всегда был вишенный сад. Со временем почти все её дети переехали в город и забрали мать. Она домовничала по очереди то у сына, то у дочерей и до конца жизни считала, что живёт не в казахской степи, а в Сибири, да и наш город Семипалатинск ещё и в середине XX века по архитектуре и составу населения ничем не отличался от сибирских городов, будь то Омск, Томск, Тобольск или Бийск и Барнаул, и до революции 1917 года относился к Западной Сибири.

СИБИРСКИЕ КАЗАКИ

Что же ты, песня моя, молчишь?

Что же ты, сказка моя, молчишь?

Натянутые струны твои – камыш,

Весёлые волны твои, Иртыш!

Павел Васильев

О сибирских казаках, живущих в Казахстане вдоль Горькой линии, не особо писали, в отличие от яицкого, донского или гребенского казачества, прославленного и Львом Толстым, и Пушкиным, и Лермонтовым, и другими. Вот

высказывание одного военного корреспондента (1907 г.): «В России мало или даже вовсе не знают сибирских казаков. Мы вообще гораздо больше интересуемся жизнью наших инородцев и знаем эту жизнь лучше, чем жизнь наших казаков – жизнь, полную трудов и лишений, жизнь, целиком отданную русскому народу и государству».

Но кто о сибирском казачестве расскажет лучше самих сибирских казаков? И потому я обращаюсь к казачьим писателям, историкам, этнографам, а также былям, мифам, притчам и песням простых казаков. Подобным же образом поступили и семиреченские **казачьи атаманы**, вознамерившись увековечить историю Сибирского казачьего войска, не дожидаясь новых Толстых и Лермонтовых.

В 1909 году, к столетию Сибирского казачьего войска, такая книга появилась. Казак **Н. В. Леденёв** завершил многолетний труд «**История Семиреченского казачьего войска**» (как ответвление Сибирского). Объёмный том почти в тысячу страниц был издан у нас, в г. **Верном**.

Мысль о такой «**Истории**» возникла давно, ещё в 1874 году, у наказного атамана Семиреченского казачьего войска – **генерала Михайловского**. Поддерживал эту мысль и **генерал Колпаковский**, он даже ходатайствовал перед военным министром о разрешении назначить премию – на конкурсной основе – в 500 рублей из сумм войска тому лицу, труд которого был бы признан войсковым начальством лучшим и наиболее отвечающим поставленной задаче. Но что-то тогда помешало составлению хроники Сибирского казачьего войска. И только в 1909 году «История» была написана – благодаря инициативе тогдашнего **военного министра России Куропаткина**, который радел о сохранении всеобщей истории казачьих войск. В своём циркуляре по сбору материала он обращал внимание на такие пункты: «**Казачество – как колонизатор; Казачество – как охранитель государственных границ; Казачество – как охранитель православной веры**». Это был фундамент книги. Привлекались и частные вопросы: однороден ли племенной состав казачьего войска? Самобытно ли развилось войско или образовалось распоряжением правительства? И многие другие. Эти вопросы и пункты я тоже рассматриваю в своём эссе.

Привлекая широкий круг источников, в том числе воспоминания казаков, а также официальные документы (приказы, распоряжения, архивные материалы и т. д.), используя и собственные исследования, **казак Леденёв** создал уникальный труд, по полноте и объёму выходящий за рамки простой военной исторической хроники, как говорится в аннотации переиздания «Истории» в 2005 году, уже к 140-летию Сибирского казачьего войска. На этот раз книга издана в **Новосибирске**.

В предисловии к своей «Истории» 1909 года **Леденёв** сообщает, что работа была затруднена тем, что часть архивных материалов погибла во время Верненского землетрясения 1887 года, часть – уничтожена с истечением срока хранения, и всё же он восстановил хронологию событий и постарался предельно достоверно отобразить этапы развития Сибирского казачьего войска. Больших денег за свой труд **Н. В. Леденёв** не получил – казачья казна оказалась скудной, и он писал «Историю» больше на энтузиазме.

Я Леденёва уже цитировала и далее неоднократно буду к нему обращаться, теперь же – по поводу наших смешанных кровей, чтобы понять: **кто мы?**

«Здесь кстати заметить, что вследствие ссылки и переселений в Сибирь преимущественно мужчин естественно возникал вопрос о недостатке женщин, который к 1855 году, по-видимому, обострился настолько, что правительство было вынуждено, наконец, прийти в этом отношении на помощь населению. Указом Правительствующего Сената 11 февраля 1865 года было разрешено в Западной Сибири покупать и выменивать у кочевников девочек, которых, присоединив к православию, размещать до выхода замуж в русских семействах, получавших на содержание воспитанниц до 15-летнего их возраста хлеб и денежное пособие. В вопросе о замужестве таким девушкам предоставлялась полная свобода...»

Русские девушки в вопросах брака чаще всего были бесправны: женихов им выбирали родители, стараясь заполучить богатеньких. Горько плачущие невесты часто шли за нелюбимых. И в казахских семьях тоже брачные вопросы решались родителями. Нередко жениха и невесту сосватывали ещё в младенческом возрасте, а впервые они видели друг друга только на свадьбе. А вот принятые на воспитание в русские семьи азиатские красавицы были свободны в выборе. Они привлекали всех, тем более что и приданое у них было хорошее, тоже дарованное властями. Смуглые, скуластые девки перебирали женихов, пока не находили себе по сердцу. Выбор был – вон их сколько, неженатых, голодных до любви! Ещё и отсюда, видать, в обличии русских сибиряков, в том числе и сибирских казаков, азиатские черты: смуглость, разрез глаз, высокие скулы и т. д. Они передавались по наследству от матерей, обновляясь на протяжении веков, и дошли до нас. Я вернусь ещё к этой теме, а пока – продолжим вспоминать о продвижении сибирских казаков в азиатскую степь.

Казаки, обосновавшиеся на **Горькой линии** – в крепостях и станицах от Яика, Иртыша и до Ишима, получили на льготных условиях наделы земли, им выделялось жалованье, фураж и продовольствие. Пройдёт время, и к России присоединятся все окрестные степи киргиз-кайсацкого края – от Петропавловска до Кокчетова, от Акмолинска (ныне Нур-Султан) до Каркаралинска, которые охранялись казаками.

Русское правительство планировало приучить своих новых граждан, степных кочевников, к осёдлости и хлебопашеству – земли были богатые, чернозёмные, обширные, но из этой затеи тогда ничего не вышло: земледелием занимались только казачьи семьи, а потом переселенцы из российских деревень, кочевники же по-прежнему пасли скот, недовольные вытеснением их с вековых пастбищ и сенокосов, и это у меня вызывает сочувствие. Долгие века кочевники жили в гармонии с Природой: для Природы кочевой быт безвреден, ибо количество скота лимитируется количеством травы. Раньше и сезонный счёт времени вёлся по зазеленению травы, это уж потом появился 12-летний звериный цикл, придуманный китайцами, – когда каждый год носил название какого-то животного. Он сохранился и теперь в народном обиходе.

Я – на стороне кочевников, но в то же время понимаю, что кроме симпатии к пастухам и любви к Природе есть ещё геополитика, и она всегда двигала перемещением народов и перераспределением территорий – с древнейших времён и до наших дней, побуждая народы то и дело мигрировать, искать лучшей жизни, воевать, но и обмениваться знаниями, торговать, смешиваться, чтобы человечество не вырождалось, двигаться навстречу друг другу. **Движение – Жизнь!**

РОДНЯ

«Покрепче к седлу приторочь!» –
 Кричит мой надёжный товарищ.
Батый, я украл твою дочь
 И скрылся за дымом пожарищ.
 Твоя золотая княжна
 О прошлом не плачет напрасно:
 В полуночных ласках нежна,
 В полуденном свете прекрасна (...)

Пошлю я с каликами весть,
 В надежде своей бесполезной:
 «И где ж ты, воинственный тесть?
 Чего не заедешь, любезный?
 Ты слышишь, как внучка кричит,
 Смеётся и машет руками?..»
 Батый потрясённый молчит
 За далью степной, за веками.
 Колюча у хана постель,
 И полночью волчьей не спится,
 Всё видится: внучку сквозь степь
 Намётом несёт кобылица...

Это строки из стихотворения «**Родня**» **Владимира Романовича Бояринова**. Он наш земляк, из деревни Ново-Покровка под Семипалатинском. Сейчас живёт в Москве, стал известным российским поэтом, возглавляет Московскую писательскую организацию. Бояринов, в самом деле, был женат на казанской татарке из **Золотой орды – Раузе** и эти стихи посвятил ей. Он сам смахивает на татарина: думаю, тоже не без тюркских корней, а по духу – глубокий русский поэт, сосредоточенный на **родстве Руси и Поля**.

В трудах **Льва Николаевича Гумилёва** подробно написано о **родстве Руси и Поля**, о смешивании народов **Евразии**, что и меня занимает, ибо это **смешивание народов и создало казака**. Главный материал для своих трудов Гумилёв брал из истории тюрков, из их вековых отношений с Русью. Спорные исторические темы Гумилёв обдумывал, пребывая в Норильском и других лагерях (их было 13, в том числе наш Карлаг), осуждённый по 58-й, политической, статье. Его **отец Николай Гумилёв**, путешественник, поэт, белый офицер, был расстрелян в связи с Кронштадтским восстанием матросов. Тогда казнили сотни повстанцев. **Казнил Фёдор Раскольников** – муж красной комиссарши **Ларисы Рейснер**. Николая Гумилёва – за недоносительство, то есть за благородство, да и давние счёты были у Раскольникова с Гумилёвым: поэт когда-то волочился за его эмансипированной женой. Николай Гумилёв, на свою беду, был очень влюбчив.

Сын Николая Гумилёва, Лев, отвечал не только за себя, но и за отца, много лет проведя за колючкой. Писал он свои труды на грубой гофрированной бумаге от коробок, в которых поставлялась рыба для пайка каторжан. Одна из первых его работ – «**Древние тюрки**». Он оригинально размышлял о природе войн, о

перемещении и смешивании народов, о пассионарности в более поздних книгах: «**Древняя Русь и Великая степь**», «**От Руси – до России**», к которым я буду обращаться.

Вот что Гумилёв писал о гармонии между Природой и степными этносами Евразии:

«...Хазары в степях не жили и, следовательно, кочевниками не были. Но и они брали от природы только избыток, которым она могла смело поделиться рыбу, виноград и плоды садов. Короче говоря, этносы низовий Волги в то время находились в фазе гомеостаза – равновесия с природой и друг с другом. При этой системе жизни этносы редко активно общаются между собой, потому что воевать не из-за чего, а брать в жёны чужих девушек невыгодно: привыкшие к иному быту, они будут плохими хозяйками в доме мужа...»

...В Европе VIII–X веков бурно развивается феодализм, образуются классы, разделяются ремесло и земледелие за счёт усовершенствования техники, а в степях Евразии овцы поедают траву, псы охраняют овец, а пастухи ездят в гости друг к другу, единственное орудие производства – кнут, но совершенствовать его незачем...»

Так что мечта человечества о Золотом веке всеобщего благоденствия и мире во всём мире – утопия, которая погружает человеческий род в сон и деградацию. А если не брать в жёны «чужих девушек», а только своих, то очень скоро истощится женский ресурс и начнётся губительное кровосмешение, но «чужих девушек» никто не отдавал без боя, и начиналась война.

«...Противник был жизненно необходим, – продолжает Гумилёв. – Если он исчезал, то победитель находил нового, и процесс продолжался. Это было мучительно, но исключало болезнь равнодушия, которая поразила престарелую Византию XII века. Ведь пока там кипели губительные страсти, Византия была непобедима, а когда там воцарился покой, подкралась гибель. **Настоящая война была менее губительна, чем утончённая роскошь...**»

Ни один нормальный человек не согласится с этой теорией: нормальный человек любой войне предпочтёт мир и «утончённую роскошь». Долгое время и официальные историки не признавали работ Л. Н. Гумилёва, обвиняли его во многих грехах, в том числе в незнании языков, и тогда он обращался к оппонентам на турецком, таджикском или каком-нибудь ещё языке. Некоторые древние рукописи он читал в подлиннике. Что ж, трудно увидеть гения в своём современнике, когда на объективное мнение влияет бытовое поведение великого человека, и поведение это не всегда бывает великим или ординарным. «*Сотри случайные черты – и ты увидишь: мир прекрасен!*» «Стереть» удаётся только по прошествии многих лет, а иногда и столетий.

Тяготение **Льва Николаевича Гумилёва** к тюркской истории и культуре было настолько сильным, что к старости он внешне стал походить на татарина, создал о себе миф, будто бы он потомок последнего хана Золотой Орды, **Ахмата**, ведь у его матери, известной поэтессы Серебряного века **Анны Андреевны Горенко**, был литературный псевдоним **Ахматова**. Она и сама фантазировала о своём «татарстве» в стихах: «*Мне от бабушки-татарки были редкостью подарки*». Её бабушка жила в Крыму, среди крымских татар, которые обосновались там со времён Золотой Орды и в Кафе торговали русскими рабами.

а казаки ходили к Чёрному морю и вызволяли пленённых христиан. На самом деле никакой татаркой бабушка Анны Ахматовой не была. Ну и что? Гумилёв хотел быть «татаринном» и, может, всё-таки был? Может, не татаринном, а с турецкой либо казачьей кровью? А у казаков восточных кровей хоть отбавляй! В любом случае, и Анна Андреевна Ахматова, и сын её, Лев Николаевич Гумилёв, обличием смахивали на азиатов и могли чувствовать себя азиатами. Гумилёв даже свою собаку назвал на азиатский манер – *Алтын*, а переезжая летом из Ленинграда в Москву, говорил, что «кочует на джайляу». Писал: *«Те, чей прах давным-давно истлел в древних могилах или рассыпался столетия назад пеплом в погребальных кострах, для меня – живые люди»*. Как и для меня! Он жил среди них. Он воображал о своём родстве с ними. Как и я воображаю! Он, обладая артистическим даром, перевоплощался в них. Он писал о древних веках вдохновенным, художественным слогом, отчего ортодоксальные историки считали Гумилёва не учёным, а беллетристом. Отчасти они правы: книги Гумилёва действительно популяризаторские, но он показал, что можно писать не скучным, зануаученным языком, а простым и ярким, как писали **Татищев, Карамзин, Соловьёв, Ключевский**, как писал наш казахстанский историк **Ермухан Бекмаханов**. Гумилёв не был *«оскуднителем истории»*, он не только показывал исторические события, но и сам в них как бы участвовал, комментировал их. В его книгах есть свежий взгляд на историю, есть открытия, основанные на фактах, на археологии (он принимал участие в археологических раскопках на Каспии, в районе предполагаемой Хазарии, и он её нашёл), на не прочитанных ранее книгах и рукописях, но также и на гидрологии, метеорологии, учении о биосфере и ноосфере Вернадского. Потому я и обратилась к книгам Гумилёва, заострившего своё внимание на таких мало изученных до него явлениях, как **этногенез и пассионарность** – закономерностях в развитии этносов и выдвигении из их среды выдающихся и вообще сверхэнергичных людей – **пассионариев**. Он писал о **жизнеспособности смешавшихся рас**, о благотворной метисации, о том, что в чистом виде может сохраниться разве что реликт, и то недолго. О том, что этнос – субстанция подвижная, обладающая могучей жизнеустроительной динамикой, особенно в периоды энергетического взрыва этноса, когда взрыв этот вызывает рождение вперёд смотрящих, сильных личностей с выдающимися способностями, которые ведут народы к новым ступеням сознания, к развитию, оставляя тёплое болото расслабляющего покоя, застоя, лени, вырождения. **Они изменяют человечество.**

Всё это оказалось созвучно моим размышлениям и догадкам о казаках, об их деятельной, неугомонной натуре, о многих кровях, текущих в их жилах и вызывающих пассионарный взрыв. Именно некий пассионарный взрыв создал казачество, о чём и Гоголь писал в «Тарасе Бульбе»: тут же выдвинулись незаурядные личности, нарушился порядок привычной жизни, обыватели становились героями, этнос начинал чувствовать свою значимость в мире.

Исторические изыскания Гумилёва помогли мне ответить на вопросы: **как и почему возникло казачество? Кто я?** Историческая амнезия – серьёзная болезнь, но излечимая. Вот и я хочу, чтобы ко мне вернулась память моего казачьего рода.

КАЗАЧАТА И КАЗАЧКИ

Щок, щок, щибашок!
 Що такое, паря?
 Куршавенький казащок
 За мною приударил!
Казачья припевка

В сказке «Снежная королева» разбойники, к которым попала Герда, так говорят о воспитании детей: «*Детей надо баловать, тогда из них вырастут настоящие разбойники!*» Но «**казаки-разбойники**» не следовали этому педагогическому правилу. В казачьих семьях детей не баловали, напротив: сдержанно к ним относились, строго – почти военная дисциплина, ведь сословие-то военное! И к нам родители относились так же, пока мы росли. И только внукам было некоторое послабление. В старину внучат лелеяли, но недолго: чуть подрос – уже сажают казачонка на коня и обучают военным премудростям или берут в рыбацкую артель на путину, а юную казачку привлекают к хозяйственным заботам. Мы с **сестрой Зиной** уже к десяти годам катали казачью лапшу, а если надо было быстро приготовить обед – делали **казачью затируху** из муки, носили воду на коромысле, месили ногами глину и штукатурили новый дом, который родители строили, смотрели за огородом, не говоря уже о множестве другой работы, что приходилось делать по хозяйству, а **брат Володя** знал мужскую работу – прибить, построить, отремонтировать. От отца научился. **Наш отец** был мастеровитым человеком, хорошим печником, и даже в деревню к родственникам ездил класть печи. В результате трудового воспитания брат мой Владимир стал заслуженным строителем России, переместившись в Москву. Он строил новую страну, войдя во власть: был префектом Ново-Косино. В детстве времени на проказы у нас почти не оставалось, но мы всё равно проказничали. Энергии было много!

Французский путешественник и этнограф **Поль Лаббе** попал как-то к уральским казакам, и в своей книге «*По дорогам России от Волги до Уральска*» пишет вот что:

«...В другой раз я заметил на берегу старого рыбака, около которого лежал большой, в три четверти метра длиной, судак. Я хотел его купить, чтобы пообедать им на почтовой станции, где тогда жил.

– Да что ты, что ты, возьми его просто так, – засуетился старик. – Я сейчас поймаю себе другого.

Тогда я предложил несколько копеек его внуку, игравшему рядом, чтобы он купил себе конфеты.

– Лучше бы ты дал ему конфет, а не денег, – заворчал рыбак. – Ну, ладно, ладно, я согласен, всё ж это мой внучок...

Казачий офицер, который сопровождал меня, расхохотался и сказал:

– Сегодня всё делается для детей, причём даже у нас, казаков. Вот до чего мы дошли!

Я ответил, что эта традиция давняя, и в подтверждение своих слов даже привёл соответствующий пример:

– Однажды Фемистокл, государственный деятель, один из основателей афинской демократии, указав на своего сына, произнёс: «Вот настоящий хозяин Афин! Он управляет своей матерью, та управляет мной, а я – афинянами!»

– Ну, к нам это неприменимо, – ответил мне, посмеиваясь, офицер. – Казак ещё может пойти на поводу у внука, но никогда – у своей бабы!»

Как бы не так! Казачки только делали вид, что в полном подчинении у мужей и нас так воспитывали: **«Надо мужа почитать, обихаживать, дуть с ним в одну дуду!»** – а на самом деле – ловко управляли ими, ведь в ранешние времена казаки обычно надолго оставляли семью, уходя в походы или на учения, на казачьи сборы. На жене держался и дом, и хозяйство, и домочадцы. А возвратясь из походов, где казаки привыкали к вольной, холостой жизни, они ударялись в гульбу, и снова казачки решали все домашние проблемы. У них поневоле выработался сильный, властный, решительный характер. Казаки это знали, но хорохорились перед своими жёнами, а жёны им поддакивали – до поры до времени, пока не допекут, а допекут – **сарынь на кичку!** Показывали свой крутой нрав. Расскажу о казачках несколько притчевых историй.

Притча про «Он» и «Оно»

Эту притчу я услышала в Уральске. Приехал как-то в станицу к деду, старому казаку, внук из города, где учился. Чванился – образованный, модный: чуб взбит коком, на что дед тут же отреагировал: «Що за крендель с маком? Как манда под лупухом!»

Дед по старинке говорил, «щокая», и это раздражало городского внука. Тут старик за сеном собрался, внука зовёт подсобить, а тому неохота. Спрашивает, зевая:

– И где оно?

– Кто оно?

– Ну, сено твоё?

– Ба! Щено – оно! Баба тебе, що ли? Оно! Щено – он!

Притча о грешной любви

Эта притча бытовала в семье моего отца, казаков Черновых, и касалась одного дальнего родственника, **Никиты Сычука**. Жил Сычук в селе Саротино. Богатое село, и Сычук был богат! Держал кузницу. И отец его, и дед славились как знатные кузнецы, вот и он – махал молотом. Работа чёрная, а дома любил чистоту. Жену выбрал тоже из чистоток, работающую да смирную. Крепкий был хозяин, Никита Сычук! Семью поднимал в пять утра – работы в деревне много. Воли никому не давал, держал в строгости. Только пригонят коров, детей требовал в дом, но зато уж, если удавалось казачатам вырваться на волю, они распоясывались: в погреб залезут к запасливой бабке Сукачихе, сметану с маслом смешают, масло с песком. Она наутро охает, жалуется своему старику – а говорила странно, «цокая»: «Матвей, цего-то неладно, вце в погребце перемолоцо, перемецено. Блинцы тебе хотела испеци, а кринки со сметанцой нетути!» Матвей только рукой махнёт: «Так тебе и надо, старая, всё скаредничаешь, вот тебе и наказал Господь!» – а сам посмеивается: догадался, что это казачата шкодят. Одна казачка калачики пекла и во дворе вывешивала на веревку, сушить, так варнаки эти калачики покусуют – и дёру! Ворота кому-

нибудь навозом перемажут, коня чужого переведут за плетень, а телегу на улице оставят, да и запрягут его. Конь дёрнется, плетень своротит, а ни туда ни сюда. Хозяин выскочит из избы, матерится:

– А-а, едрить твою туды-растуды! Опеть Сычуки бедокурют!

Отец ловил их, стегал казачьей плёткой так, что кожа лопалась, но ничего не помогало. Одному, самому неугомонному, даже руки гвоздями к столу прибивал, чтоб не варначил. Вот как учил!

Была у Никиты Сычука и дочка, **Неонила** – слабость его: баловал, из города ленты да пряники ей привозил. Не заметил, как выросла. Ей невеститься пора, а Никита не пускает на вечерки, подле себя держит, не веря, что она взрослая. Тут зачистил к Никите в кузню один знакомец из соседней деревни, тоже казак. То коня подковать, то ободья на телегу поставить, а с ним сынок увязывался: черномазый, якирь его-то, и глаза дикие. Видно, у матери казачонка кровь была басурманская, от татар либо турок. В Саротино немало таких «*мешанных*» жило – обычное дело в казачьем роду. Ну, ездили и ездили, и ничего. А к осени увидели Сычуки, что дочь их, Неонила, брюхатая. Ах ты, Господи, да как же так? Каким-таким ветром надуло? Оказалось, сынок-то этого знакольца, паршивец, и оприходовал девку. Не уследили! Побил Никита блудливую Неонилу, а сам с горя в кузне заперся, раздул горн и три дня, три ночи стучал молотом. Так душа у него горела! Когда умолк – вошли к нему: лежит Сычук на полу, в мокрой чёрной рубахе, наковальня надвое расколота, в горне холодная зола и воеет кто-то – длинно, жалобно, жутко...

С падением Неонилы и в самом Никите Сычуке будто какая-то крепость рухнула. Силы природные, которые бушевали в его сыновьях и дочери, но которые много лет удерживал Сычук в себе, вырвались на волю и у него. И порядок, которым он так дорожил, вмиг сломался, уступив место буйству стихии.

Был у него приятель, а может, даже обедневший родственник, звали его вроде бы **Агафон**. Был этот Агафон безлошадный и незадачливый, но грамотный, книжки читал. Никита любил с ним потолковать, по этой части они и сошлись: так-то неровня. У Агафона жена была, **Зорюшка** – настоящая красавица. «За што токо, – думал себе Никита, – Агафону-недотыке така гоженка досталась?» Завидовал. Его-то хозяйка неказистая, только что покладистая. Если проходит Никита мимо Агафоновой двора, остановится, глядит, как Зорюшка холст конопляный ткёт или плетёт из разноцветных тряпиц круглые половички. Увидит Никиту – зарумянится, засмущается, а глаза – чёрные, бесовские, нет в них стыда. У Сычука и заноеет сердце, и спотыкнется он потом на ровном месте, а то и ворота спутает – в чужие вломится.

Вот раз работали Агафон и Никита на пашне – их наделы рядом были, а конь один на двоих, Никитин **Воронок**. Ночевали в поле – шалаши у них там стояли. Ночи тёплые, звёздные, от озера резедой пахнет. Агафон уморился, быстро заснул, а Никита притворился только спящим. Выждал, когда Агафон захрапит, прокрался к Воронку да тихой сапой, воровски поскакал в деревню, к жене Агафоновой, Зорюшке. Над озером туман стоял. Деревья парили в воздухе и не спешили на землю. Как вскипевшее молоко белела вода. Всё было призрачно, не прописано, смутно, краски не набрали силу и ждали своего часа, когда Творец вдохнёт в них жизнь. А он возьмёт да и перепутает всё: Степь сделает синей, воду – зелёной, небо – жёлтым. Такая вот прихоть на него найдёт. И от себя

Сычук ждал теперь неожиданных поворотов: что-то сдвинулось в нём, потеряло прежнюю опору и твёрдость, рвалось на волю, что-то такое бесшабашное, разбойное. И нёсся он вихрем, пригнув голову. В лицо ему била мелкая грива коня, комья земли шлёпались на луговую старнину. Сердце бешено колотилось, и хрипло дышал запалённый Воронок. Влетел Сычук в деревню. Постучался к Зорюшке. Она впустила его, будто ждала, глаза бесовские сверкают, рубаха белая до пят. Вроде по делу он к ней. Она ничего, смеётся только. Вот одну ночь он скачет в Саротино, вот другую. Всё по делу. Стал тут Агафон догадываться. И сам как-то притворился: глаза закрыл, захрапел, а не спит. Сычук на коня – Агафон следом. Только Сычук-то на Воронке скачет, а бедный Агафон так бежит, он ведь безлошадный. Кое-как дотрюхал до Саротино. Заглянул в свой двор – ага, стоит Никитин конь, «яблоки» роняет. Агафону бы шум поднять, дверь выломать, а он сел на крыльечке да плачет.

Но в деревне о Никитиных похождениях узнали. Тут не скроешь. Как отселись, собрался казачий круг: Никиту Сычука судить. И присудил справедливый казачий суд: Сычуку – за совершённое прелюбодеяние и нанесение ущерба Агафоновой собственности отдать Агафону два мешка муки да старую овцу в придачу, мол, баба большего не стоит, тем более така гуляща. Ей тоже выписали штраф – тридцать атаманских плетей, чтоб не повадно было. Вот так! Усы казаки расправили, шапки надели – довольные разошлись.

Не стерпел суда Сычук. Задал он себе зловещий вопрос: «Зачем?» Зачем всё богатство, вся степенность его, если нельзя любить, если воли нет, а один только порядок? Всё – прах, прах! И поджёг он свои хоромы – вместе с женой, со всем своим добром, а потом и развалюху Агафона подпалил. Бегал по Саротино со вставшими дыбом волосами, размахивая осмолённой палкой, и дико орал, пока не скрутили его казаки, не повалили в пыль да заперли потом в старом амбаре, который стоял на выгоне. Лежал там, мычал, ворочая могучими плечами кузнец, но верёвку ослабить не смог, и мучился. Ночью прокралась к нему в амбар Зорюшка и, не развязывая ему рук и ног, опять вступила с ним в греховную связь. Такой сильной страсти Сычук сроду не переживал, и амбар запомнил на всю жизнь.

Каждый раз, проезжая потом мимо того амбара, слезал с коня, входил под пыльные своды и стоял под столбами света, бьющими из слухового окна. Ему казалось: Зорюшка спускается к нему по этой лёгкой дороге в длинной белой рубахе, с распущенной косой, такая же податливая и жаркая, как и тогда, в ту сумасшедшую ночь. Неужели огонь её навсегда задавила земля, под которой лежала она теперь, скрестив на груди тонкие руки?

Выковал он Зорюшке крест – узорчатый, с ангелом. Приходил проведать её. Проведёт ладонью по могильному холмику – и удивится: земля горячая, хоть солнца нет, и день осенний, пасмурный. Горячий холм! С того света отзывается Зорюшка на любовь его грешную, любовь незакатную....

Притча о кулачном поединке

Эту притчу я услышала от попутчицы в поезде «Павлодар – Алматы», сибирской казачки. Бабушка её, **Аграфена**, очень крупного телосложения, по субботам добровольно позволяла мужу себя колошматить. Он её так «учил» – за все грехи, накопленные за неделю. Перед этим, конечно, принимал на грудь – для куража. Был драчун небольшого росточка, метра полтора с кубанкой, и казаки дали ему

кличку Полторак. Однако этот Полторак имел большую власть над своей рослой женой. Каждую субботу раскладывал её на лавке и хлестал плёткой, а потом шёл мыться в баню, где уже Аграфена от души хлестала его веником, пока он не скатывался с полка и по-пластунски полз за дверь, в сугроб. Вот такая была у них любовь.

Соседки удивлялись: «Феня, пошто ты позволяешь этому сморчку изгаляться над собой?» – «А штоб силу свою чувствовал, хозяином был надо мной! Всё ж таки казак!» – смиренно отвечала она, прикрывая синяки.

Однажды в станице у них появился кулачный боец, известный в округе. Специально ходил по станицам, чтобы подражаться. Казаки, охочие до драки, собирались в круг и выходили по одному биться с ним. Все бывали, конечно же, повержены непревзойдённым кулашником. Побил и одностаничников Аграфены. Встал, гордо подбоченясь: «Вижу, и у вас хлипкий народец: сопля на сопле! Нет мне равного соперника!» И так уж оскорблял станишников, так обзывал, что не дай Бог! Тут возьми да выйди наша Аграфена. Кулашник презрительно усмехнулся: «А это што за пугало огородно? Ишо я с бабой не бился!» – «А ты попробуй!» – дерзко ответила она, выставив пудовую грудь, и первой ударила его. Он покачнулся, удивлённый её ударом. Она опять ударила, тут уж он кинулся в бой со всем своим остервенением. Но как ни старался, она его одолела, прижала коленом к земле – под хохот станишников.

После того муж Аграфены, Полторак, притих, перестал её «учить» по субботам. А кулашник, опозоренный казачкой, больше не ходил по станицам, вскоре и вовсе помер – от унижения, как считали казаки.

Притча о двух казачках, казаке и хлебе

Эту притчу рассказала мне моя бабушка **Таня**. Была у казака хорошая жена – **любушка**. Всем хороша, одно плохо – хлеб не умела печь: он у неё получался каменным, за что в станице казачки её осуждали. Но казак так любил свою жену, что хлеб её каменный казался ему сладким, и он защищал свою любушку: мол, лучше её хлеба нет на свете! Завернёт она ему краюху в полотенце, как он на сенокос соберётся, он хлебушек-то опустит в ручей, а сам косит. К обеду сядет перекусить, вынет горбушку – она размякнет, он ест да нахваливат.

Тут случилась беда: померла любушка при родах. Долго горевал казак, да делать нечего – другой раз женился. Эта жена мастерица попалась – хлеб умела печь. Получался он у неё пышный, пахучий и долго сохранял свежесть. Собрался казак опять косить, завернула ему новая жена хлеб свой в полотенце. Казак по привычке сунул кусок в ручей, а сам косит. Тут пришла пора обедать, хотел он вынуть хлеб из ручья, а хлеб-то развалился у него в руках, он же мягкий был. Ох, и взъярился тут казак! Прискакал домой, давай кричать на жену: «Безрукая ты, хлеб пекти не умеешь! Вот моя-то прежняя жена хороший хлеб пекла!» А казачка не из тихонь была, ответила ему, подбоченясь: «Ну, так и ступай к своей прежней жене, пусть она тебе хлеб печёт!» И не стала ему больше печь. Он уж и так к ней, и эдак, уж и плётку в ход пускал – ни в какую! Прогоняет к первой жене: «Иди, иди к своей любушке! Поди заждалась! Я видала, на могилке у ей камни лежат – хлеб тебе спекла!» Пуще прежнего стал горевать казак по своей любушке, да так извёл себя, что и в самом деле ушёл к ней, на высокий холм, который возвышался над станицей, крестя деревянными крестами степное небо.

КАЗАЧЬЯ «КОЛЫБЕЛЬНАЯ»

У всех народов есть колыбельные песни. И у казахов есть **бесік жыры**, и у казаков есть, несмотря на их крутой нрав и жёсткое, мужское воспитание мальчиков уже с малолетства. Казачки, с их вечным страхом за своё дитя, рождённое для ратной службы, уравновешивали, смягчали отцовскую жёсткость. Судьба матери-казачки – это судьба Девы Марии, которая несёт своего младенца на заклатие. Трагический образ! Только короткое время раннего детства дитя принадлежит матери, потом – его воспитывает отец и казачье войско, потому в *колыбельной песне* матери-казачки с удесятёрённой силой сосредоточены любовь и бесконечная нежность. Материнские песни с младенчества, с неосознанной ещё поры жизни, вливают в душу казачонка небесный Свет. Дитя зачинается от небесной воли, от небесного Света, суть которого – любовь, а мать укрепляет в своём ребёнке эту любовь. Небесный Свет помогает растущему человеку противостоять житейским невзгодам, сохранять в себе детскую чистоту. Из казачонка вырастет воин, а война не знает любви, но та нежность и трепет материнского сердца, что сияют в его душе, что потаённой музыкой живут в нём, удержат казака от звериной жестокости. Мать молится об этом! В материнской *колыбельной песне*, по силе равной молитве, поют ангелы. Их слышал поэт и воин Лермонтов, рано потерявший мать, но он всегда помнил, как она ему пела в младенческие годы, а пела Мария Михайловна божественно: «По небу полуночи Ангел летел, / И тихую песню он пел...» Она сажала его на колени, а сама – за рояль, играла. Он слушал, прижавшись к её груди, и плакал. Младенец, он не понимал ещё слов, и звук её песен остался в его душе «*без слов, но живой*». Музыка имела великую власть над поэтом, потому что могла выражать себя без слов, и охватывать всё существо, и растворять в себе. Во всякой речи он слышал сначала музыку, а всё началось с материнской *колыбельной*.

У Лермонтова есть «**Казачья колыбельная песня**», услышанная поэтом в одной из станиц на Кавказе, – её я приведу позже, в главе «*Казаки Лермонтова*», а теперь хочу процитировать *колыбельную*, которую сложила наша, **сибирская казачка** в алтайской станице, помня о походах казаков в Семиречье. По её мотивам **казак-старовер** и прекрасный поэт **Сергей Комов** написал свою «**Колыбельную песню**».

*Крепко спи, дитя родное,
Ты в своём краю.
Ветер шепчет за стеною:
«Баюшки-баю...»
Ты, сынок, казачьей крови.
Бог тебя хранит.
Ангел твой у изголовья
Над тобой стоит.
Небо подперев спиною,
Спит в ночи Алтай.
Я тебя не раз укрою
За ночь, засыпай.
Катит волньшки стальные
Ледяной Иртыш.*

Парень, волосы льняные,
 Ты один не спишь.
 Будешь ты широкоплечий,
 С вольною душой,
 Как казак из Семиречья,
 Прадед твой лихой.
 Дам тебе перед дорогой
 Я такой наказ:
 В лёгкий час ты помни Бога,
 Как и в трудный час.
 Выйдет мать с тобой проститься,
 Завернёт в платок
 Горсть родной твоей землицы,
 Ты возьми, сынок.
 Богородскою травой
 Заросли холмы.
 Родились мы здесь с тобою,
 Здесь и ляжем мы.
 Крепко спи, дитя родное,
 Ты в своём краю.
 Ангел шепчет над тобою:
 «Баюшки-баю»...

А вот казачья колыбельная, которую перепевает в своей поэме «**Песня о гибели казачьего войска**» наш павлодарский поэт **Павел Васильев** (его стихи и поэмы – кладезь казачьего фольклора, и эта поэма написана в фольклорном духе):

Ночь глухая, душная, ярая...
 Укачала малого старая:
 – Спи ты, моё дитяtko,
 Маленький-мал,
 Далеко отец твой
 В снегах застрял.
 Далеко-далёшеньки, вдалеке,
 Кровь у твою батюшки на виске.
 Спи ты, неразумное, засыпай,
 Спи, **дитё казацкое**, баю-бай.
 Я ли твою зыбочку посторожу,
 Я ли тебе сказочку расскажу...

И далее рассказывается эта «сказочка» – про гусыню, про казачью станицу, про озорных казачат, что дразнят гусыню – и всё в народном, в частушечном тоне:

– Тега, тега, тега,
 Иди к нам побегай!
 – Не могу, мальчонки,
 Больно ноги тонки...

Поэт русского зарубежья **Юрий Бек-Софиев**, из рода запорожских казаков (по линии своей матери Лидии Родионовой), пройдя сквозь испытания Гражданской войны, эмиграции, Второй мировой войны, вспоминал колыбельную песню матери, которая осветила его бранный путь:

*Так с тех пор до конца, до могилы,
Этот воздух широких полей,
Этот брошенный дом. – Брат мой милый,
Оседлаем скорее коней!
И над вздыбленными городами,
И над горьким костром деревень,
Только брезжил, вставая над нами,
Наш высокий, наш трудный день.
Жить иначе нет веры, нет силы,
Не щади себя, не жалей!
**Это ты мою жизнь осветила
Колыбельною песней твоей.**
Реял сумрак кровавый над нами,
Безнадёжно клоня на ущерб.
Умирили за белое знамя.
Умирили за молот и серп...*

Сибирская казачка с Алтая **Любовь Медведева** в своей поэме «**Поле предков**» пишет «**Сарматскую колыбельную**» (сарматы – одни из предков казаков):

*Пусть вражду племена усмирят.
Здравствуй, день! Новорожденный, здравствуй!
Не воинственным кличем сармат
Озаряется радости царство –
Озаряется светом любви,
Колыханьем медовых соцветий.
Усмиряется ярость в крови –
Чёрный бред побеждённых столетий.
И кричит новорожденный день,
Как дитя, призывая кормленье.
И звериному рыку взамен
Колыбельное слышится пенье...*

МОЯ ЕВРАЗИЯ

Снегами, зарёй обагрённых,
Идут казаки без дорог.
Двуглавый орёл на знамёнах
На Запад глядит и Восток...

Огромное солнце встаёт на востоке Земли, перекатывается через Тихий океан, и пока оно дойдёт до западных рубежей Евразии, «*сегодня*» сменится на «*завтра*», зимние пейзажи – на летние. Белесое от сибирских снегов, оно

раскалится докрасна, шипя морской пеной, упадёт в южные моря, чтобы снова вынырнуть на востоке.

«Переход от Европы к Азии делается час от часу чувствительнее: леса исчезают, холмы сглаживаются, трава густеет и являет большую силу растительности; показываются птицы, неведомые в наших лесах; орлы сидят на кочках, означающих большую дорогу, как будто на страже, и гордо смотрят на путешественника; по тучным пастбищам

Кобылиц неукротимых

Гордо бродят табуны...»

Так описывает Пушкин свою дорогу в Арзрум через азиатские степи, где он впервые увидел **кочевников-калмыков**, с их экзотичным для поэта бытом.

«...У кибиток их пасутся уродливые косматые кони, знакомые вам по прекрасным рисункам Орловского. На днях посетил я калмыцкую кибитку (клетчатый плетень, обтянутый белым войлоком). Всё семейство собиралось за-тракать. Котёл варился посредине, и дым выходил в отверстие, сделанное вверху кибитки. Молодая калмычка, собою очень недурная, шила, куря табак (...) В котле варился чай с бараньим жиром и солью...» Угостили этим чаем и Пушкина. Он с трудом пережил трапезу и попросил чем-нибудь заесть калмыцкий завтрак: *«Мне дали кусочек сушёной кобылятины; я был и этому рад...»*

Однако, несмотря на гастрономический стресс и кокетство юной калмычки, которое Пушкина испугало, хотя был он известным женолюбом, он написал потом стихотворение, посвящённое ей, и тем самым выполнил долг поэта: воспевать красавиц всегда и везде! Даже если они курят табак и шьют себе штаны, как любезная калмычка.

*Прощай, любезная калмычка!
Чуть-чуть, назло моих затей,
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей
Вслед за кибиткою твоей.
Твои глаза, конечно, узки,
И плосок нос, и лоб широк,
Ты не лепечешь по-французски,
Ты шёлком не сжимаешь ног...*

но:

*Пока коней мне запрягали,
Мне ум и сердце занимали
Твой взор и дикая краса...*

* * *

Центр Азии находится в республике Тува, а **центр Евразии** – у нас, в Семипалатинской степи, **в урочище Жидебай**, рядом с зимовкой **поэта Абая**. Всякая такая точка на Земном шаре имеет сакральное значение для человека – там, по его мнению, особая энергетика, особый воздух. Место силы. Может, именно этот воздух и магические излучения Жидебая подпитывали талант поэта? По крайней мере, его всегда тянуло туда, и только там он обретал покой и вдохновение. Я неоднократно бывала в Жидебае и всякий раз слышала музыку, исходящую от земли и неба: звучал ветер, травы, облака, будто кто-то играл на

кобызе. Это космическая музыка! Она завораживает. Она отодвигает земную суету. Она делает тебя поэтом и философом.

Казахстанский журналист и путешественник **Андрей Кратенко**, уроженец казахского Оренбурга, который пишет о казаках (очерки: «Почему вернулся атаман?», «Иртышская линия» и др.), повествует в путевом очерке «**В центре Евразии**»:

«...В центре Евразии каждый путешественник может найти ландшафт по своему вкусу. Здесь есть всё: степи, горы, пустыни, реки и озёра. Это не просто географический перекрёсток, это ещё и прародина многих народов. Необыкновенно красивая и щедрая земля.

Однажды мы уже искали центр Евразии, полагая, что он находится на окраине Семей. И наткнулись на него там, где не ждали – в 180 километрах от города, возле дома-музея Абая в Жидебае.

– Да вот же он! – воскликнул я с тем же восторгом, с каким моряк видит землю после многомесячного плавания по безбрежному океану. – Вот же он, центр континента!

Восточно-Казахстанская область на одинаковое расстояние удалена от четырёх океанов. Точка центра Евразийского континента отмечена рядом с домом-музеем великого казахского поэта Абая. Здесь, на круглом, как земной шар, основании, установлена невысокая каменная пирамида с надписью на трёх языках: «*Центр Евразийского континента*».

На этот раз мы приехали сюда окольными путями. Проще всего было бы вначале добраться до Семей, а от него – в Жидебай, по тому самому пути, который юный Абай преодолевал на коне за три дня. Мы же приехали по алма-атинской трассе, до аула Аршалы (225 км, Жарминский район), после чего свернули на просёлок с указателем «*Дуан Аркабай*» и устремились в Абайский район. Места здесь почти безлюдные, в случае поломки автомобиля рассчитывать на чужую помощь не приходилось. Мобильная связь отсутствовала. Так что некоторый риск был в этом путешествии.

– Кто такой дуан? – спрашиваю спутника.

– Целитель.

– Заодно, – говорю, – можно и подлечиться...

Через полсотни километров замечаем жилое строение и старые казахские могилы. Подъезжаем, навстречу выходит бойкая молодая женщина и мужчина с плохими зубами.

– Здесь, – спрашиваю, – живёт дуан Аркабай?

И тут выясняется, что знаменитый лекарь умер в 1948 году, похоронен здесь – нам показали его могилу и сообщили, что дух его всё ещё витает над этими местами и по-прежнему лечит. Дуан Аркабай каким-то таинственным способом заставлял беременеть бесплодных женщин, обращавшихся к нему за помощью. Чтобы зачать, было достаточно переночевать у Аркабая всего одну ночь. И так до сих пор. Аркабая давно нет, но дело его живёт.

После ливня просёлок местами размок, и нашу машину порой кидало из стороны в сторону. Всё искупал полынный аромат, тройные радуги над ковильными сопками и причудливые скалы (...) Жидебай встретил тёмно-фиолетовыми тучами. Дул пронизывающий ветер. Одно слово, зимовка...»

В «Кратком толковом словаре топонимов Казахстана» (Алма-Ата, «Наука», 1974) **Е. Койчубаева** я нашла вот что: «**Жидебай** – ур., от каз. *жиде* – “джигда” и *бай* – “обилие”. Возможно, имеет связи с антропонимом – именем одного из предков автохтонцев в том же значении».

Европа и Азия разделены географически – граница проходит по Уральским горам, но жители Евразии давно перемешались, и уже не найти концов, кто от кого произошёл и кто кому родня. Сам собой сложился тип человека, который называется евразийцем. Для нас, старожилов азиатской части Евразии, картины, описанные Пушкиным, быт кочевых калмыков, во многом схожий с бытом казахов, киргизов, монголов и других кочевников, не экзотика – картины эти привычны для нашего глаза.

Наиболее ярко тип евразийца отразился и сконцентрировался в казаке. (Об этом писал Гоголь в «Арабесках» – цитата из него в главе «На перепутье народов».) Да и всё моё повествование, так или иначе, рассматривает **тип евразийца** – в разных его проявлениях.

«...В течение столетий Казахстан являлся стыком завоевательных устремлений воинственных держав, привлекаемых его природными богатствами, – сообщает **«История» Бекмаханова**. – Китайские и арабские завоеватели, многочисленные сильные тюркские и монгольские племена завоёвывали обширные казахстанские земли, подчиняя себе местные племена. На территории Казахстана складывались мощные, основанные на завоевании, варварские дофеодальные государства, способствующие, однако, дальнейшей консолидации местных племён и постепенному образованию особой казахской народности. Монгольские и тюркские племена, смешиваясь и сливаясь с местными племенами, постепенно образовали качественно новую и самостоятельную казахскую народность (...) Свободолюбивые народы Казахстана, кочевые и оседлые, не желая терять своей свободы и независимости, защищали каждую пядь земли, каждую свою кибитку. Источники отмечают, что нигде во время своих походов великий полководец **Александр Македонский** не встречал такого отчаянного сопротивления, как в Средней Азии и в Казахстане...»

Евразиец формировался долгие века, пройдя через войны, через трудную науку мирного, союзнического сосуществования. Союз этот укрепился в идее евразийства, напророченной ещё Ломоносовым, что Россия будет прирастать Сибирью, но она «приросла» не только Сибирью, а и многонациональной, свободолюбивой Великой степью. Начиная с 60-х годов XIX века и до 20-х годов XX века Казахстан был частью России, потом стал частью СССР. Теперь это независимое, суверенное государство.

Есть негласный постулат: **«Владычество над Евразией – это власть над всем миром»**. Мне не нравится слово «*власть*» – в нём скрыта агрессия, энергия подавления. Для идеи евразийства больше подходят другие понятия: «*влияние, лидерство*», которых добиваются не огнём и мечом, а дипломатией, добрососедством и взаимопомощью. Современный **Евразийский союз**, который сложился после распада СССР, на мой взгляд, самое прогрессивное на сегодняшний день политическое объединение. Он зародился у нас в Казахстане. *Союз* взял от первых евразийцев главное убеждение: **«Все народы и культуры равноценны!»**

Казак изначально помогали в обретении такого *союза* и такого *влияния* в мире, особенно казаки Сибирского казачьего войска, то есть **наши предки**, открывшие Сибирь, протянувшие Горькую линию своих укреплений через кочевую Степь и **соединившие Европу с Азией**. Они тоже на этом пути учились мирному добрососедству, приучали свои сабли жить в ножнах, а не обагряться кровью. Но приходилось защищать евразийские рубежи и покой в стране – в этом было главное предназначение казачества, которое казаки исполнили с честью, часто жертвуя своей жизнью.

* * *

«*Панмонголизм! Имя дико, / Но мне ласкает слух оно*», – писал поэт Серебряного века **Владимир Соловьёв**. В основе панмонголизма, пантюркизма – идея о необходимости политической консолидации тюркских народов Евразии на основе этнической, культурной и языковой общности. Но русские евразийцы расширили круг сторонников пантюркизма.

Строки Владимира Соловьёва о панмонголизме **Александр Блок** взял эпиграфом к своей поэме «Скифы», откуда часто цитируется начало: «*Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы!..*» Вл. Соловьёв предсказывал неотвратимое столкновение европейского Запада (в том числе и США) с объединёнными силами евразийского Востока, куда входит и Россия, и столкновение это будет угрожать самому существованию западной цивилизации. О том говорил когда-то и русский поэт **Фёдор Тютчев**, который был ещё и дипломатом, и хорошо знал как Россию, так и Запад. Он говорил, что само появление России было приговором Западу. Противостояние Запада и Востока мы и сегодня наблюдаем. Это два полюса, созданные Богом, чтобы держать в равновесии мир. Когда равновесие нарушается – подступает гибель к обоим полюсам.

Лев Гумилёв, которого называли **Евразийским Львом**, продолжил размышления об азиатском миропорядке первого евразийца **Николая Трубецкого**, который утверждал, что благодаря татаро-монголам, нахлынувшим из Сибири и азиатских степей, укрепилась Российская держава, сплотив свой народ вокруг мечты о независимости. Россия стала сильной и великой (теперь у этой идеи есть немало сторонников). В своей статье «**О туранском элементе в русской культуре**» опальный Трубецкой, изгнанный из советской России, говорил: «*Русский царь явился наследником монгольского хана... Произошло обрусение и **оправославление татарщины** (...) Русские вместе с угро-финнами и с волжскими тюрками составили особую культурную зону, имеющую связи со славянством и с туранским Востоком...*»

Добавлю: православные никогда не насаждали свою веру, не обращали в неё насильно – с помощью огня и меча, не участвовали в религиозных войнах, как делали католики-крестоносцы, но защищать – защищали. Наша вера принималась душой – или не принималась. Тут была полная свобода выбора, и если «татарщина», по словам Трубецкого, оправославилась, то наверняка по своей воле. А в целом все восточные народы, соприкосновенные с Россией, сохранили свою идентичность, культуру и веру: кто мусульманскую, кто буддистскую, кто иудейскую. Тотальной ассимиляции не было и нет. Есть благотворный симбиоз народов.

ГРОЗА В БАЯНАУЛЕ

С ночи дул сильный ветер, порывами. А под утро засверкали зарницы. Потом ударил первый гром.

Мама говорила: если первый гром упадёт на листья – будет урожай, а если на голые ветки – нет. И всегда ещё их, детей, бабушка Таня заставляла по первому грому выскакивать во двор и кувыркаться через голову, чтобы спина не болела и они с радостью кувыркались, а сама она этого, конечно, не делала – и страдала спиной. Нароботавшись за день, просила детей – а их у неё было девять – разминать ей спину, топтать – массаж как бы получался. «Крыльца чё-то ломит, и руку таском таскаю!» – говорила она. А ещё говорила: «Я, как паршивая лошадёнка: с утра еле подымаюсь, а потом так разойдусь – меня не остановить!» Прожила бабушка Таня с больной спиной 91 год. И дети долго жили, но спины надорвали все: кто с малолетства работал на заводе в Майкаине, кто в шахте, кто на пашне, кто войну прошёл. Голод пережили, нужду. «Как все, – говорила мама. – Чё тут особенного? Как все... Ничё, **одыбались**. Как все...»

Младшие дети помогали отцу на мельнице. Когда дед наш, Павел Андреевич Бутаков, сидел в каталажке как бывший кулак и белоказак, мельница по нему скучала, жалобно скрипела деревянными крыльями, плакалась ветру. Но потом его отпускали, и он продолжал мельничать, и дети с ним: мешки с зерном и мукой таскали, стояли у жерновов. Мама тоже стояла: уже взрослая – десять лет. Казаки Бутаковы привыкли работать, потому и кулаками стали, то есть крепкими хозяевами. Никто из них не был захребетником, как писали в советских учебниках.

Мама, чтобы не заснуть – работали и ночью – представляла себе, что это не жернова крутятся, а колёса телеги. Лето. Кузнечики в траве стрекочут. А мама едет по Степи, песни поёт, и всё вокруг откликается её песням. Она и затянет что-нибудь казачье, раздольное – всё веселее работать, или приплясывать начнёт – она в станице Баянаульской лучшая плясунья. И вот, в разгар песни, когда Степь озарится солнечным огнём – ударит первый гром. Сначала робко, мальчишеским ломким баском, а потом окрепнет, наберёт силы – и зарокочет, и загрожает сердито. Но никто грома не боится. Прыгают станичные ребятишки с крыльца, кувыркаются через голову, хохочут – а там и дождик польёт. Завизжат дети, подставят ладошки под водяной горох, закричат ему:

*Дождик, лей,
Не жалей!
Сердцу будет
Веселей!*

А тут и аульные ребята выскочат из своих мазанок – тоже под дождём плясать. Наша бабушка Таня хорошо знала казахские обычаи, потому и мы знаем, что первый дождь казахи считали «сиянием Аллаха». Старики снимали шапки и подставляли голову под водяные чистые струи. Они верили, что теперь всё лето не будет болеть голова. А главное – с дождиком упадёт на голову счастье. Стояли они под водяным сиянием и приговаривали: «*Нур жауады! Нур жауады!*» Вслед за стариками и дети повторяли это заклинание: «*Нур жауады! Нур жауады!*» – и аульные балапанята, и станичные казачата.

Так, за летними фантазиями, ночь пролетала у мамы быстрее, и ноги меньше ломило от холода и усталости, и спина выпрямлялась.

Бабушка Таня любила порассуждать о летних дождях, да всё притчами говорила. Например, о ливне на Ильё-пророка:

– Вот народ-то собрался косить да и сообщат Ильё-пророку, наверх: «Косим! Косим!» А он-то, видать, глуховат, ему слышится: «Просим! Просим!», да и рад стараться: лёт на них дождиком из всех дырок! – а сама смеётся-заливается от своей шутки.

На Петра и Павла – опять дождь. И тут у бабушки притча готова:

– Тошно мне-ка, Пётр-то с Павлом как разгулялись! Видать, пива много наварили, глядючи на наших казаков, да и пошли варначить!

– Ты думаешь, Пётр и Павел тоже казаки? – удивляюсь я.

– А то как же? Казаки!

– И Ильё-пророк тоже?

– И он казак! Ишь как сабелькой-то машет – молоньи сверкают!

Так что небо у бабушки Тани, как и её любимый Баян, было густо заселено казаками, было большой казачьей станицей.

– А там видишь? – показывала она мне на большую чёрную тучу. – Там казахи живут, овечью отару домой гонют. Ох, и баранов у них! Самих из-за отары не видать. Оне, чтобы не промокнуть, забираются в самую гущу, по-овечьи утыкаются носом в бараньи задки и так греются. Всё, поползла, поползла отара в аул...

Туча, в самом деле, сползая с гор, стала двигаться в сторону степи, и там легла на высокие травы. Вот такое живое, детское воображение было у нашей бабушки Тани, которое и нам передалось.

Давно это было, давно... Первый гром напомнил мне картины детства. Слава Богу, прогремел он, когда листья распустились – не на голые ветви упал. Будет урожай!

После молний и завывающего по-волчьи ветра сделалось тревожно. Днём, при солнце – дождик в радость, а на рассвете – отчего-то всегда тревожно. Но всё цветёт. Белое сияние яблонь затмевает даже рассветные небеса.

Снова ударил гром, прокатившись по всему небу, и увидела я другие картины. Чечня. Гроза в горах, где она особенно оглушительна, увеличенная эхом. Отражаясь от диких скал, гром подобен камнепаду, подобен гневу Небес, потому что на земле бухают орудия. Война! Дым, огонь, визг бородатых горцев, крики умирающих – всё мешается с раскатами грома, но он сухой, трескучий – дождь так и не собрался. А потом – тишина. Когда рассеялся ядовитый дым – явились цветущие кроны садов, молодая зелень холмов, нежное пение ручья в горах. Слышно было, как птицы щебечут – птенцов кормят. Белые голуби сидели на дрожащей ветке горного кизила, срезанной наполовину пулями, и целовались. И такая кругом красота была разлита, такая благодать, будто нет войны. И только убитые странно выглядели среди этого земного рая. Вайнахи и русские, они лежали рядом – на склонах холмов, в ложбинах, на открытых полянах, в проломах крепостных стен, а над ними порхали первые бабочки. Природа не понимала человеческой дикости. Природа была полна жизни.

И ещё почудилось мне тогда на мгновение – в кадрах документальной хроники: кто-то в белых одеждах, кто-то, похожий на дымку утра, проходит по скорбному полю битвы, и обвеивает мёртвых своим дыханием, и стирает с их лиц печать ненависти и боли. В землю убитых положат со светлыми ликами, умиротворёнными любовью, и вырастет из их общего праха дерево – с сильными корнями, могучей кроной, потому что первый гром упал не на голые ветви, а на листья, но неужели для этого нужна война?

ПРОКЛЯТИЕ ВАВИЛОНА

Победил тот, кто не начал войны.

Китайская мудрость

Что ещё, кроме геополитики, побуждает один народ двигаться навстречу другому, иногда сметая всё на своём пути? Что было шильцем в одном месте и у наших казаков? История отвечает: «**Жажда славы!**» Жажда остаться в памяти поколений, доказать, что **твой народ уникален**, а ты сам – герой. Для самоутверждения нужна молодая энергия, и почти все герои мировой истории, искавшие славы, были молоды, и потому агрессивны, то и дело ввязываясь в драки: кипела в них молодая энергия, требовала выхода, геройства!

В пределах нормы жажда славы не опасна, и даже благотворна, как двигатель прогресса, если ты следуешь правилу: возвышать себя и свой народ, не унижая и не попирая другие народы. **Казаки тоже искали себе «лыцарской славы»**, да и подрались были большие любители. Как говорится: хлебом не корми, только дай подрались. Первенства никому не уступят!

Об этом писал **пресновский казак Иван Шухов** в романе «**Горькая линия**»: «*А ну, заведём, воспода станичники, драку! День сегодня праздничный. Водки у нас с избытком!*» *Кирька стоял с жердью в руках на крепостном валу, готовый в любую секунду ринуться в драку (...)* «*Смирно, воспода станичники! Зря хайлать нечего. Спором дела всё равно не решишь. Давайте лучше драться!*»

Но тут, в жажде первенства – через драку – в поисках славы и достигнув её, можно заразиться такой болезнью, как мания величия. Кое-какие народы тяжело переболели, считая, что они самые лучшие, самые сильные, и потому могут с другими разговаривать с позиции силы, они – высшая раса, арийцы с правильными черепами и т. д. Глядя на остальных, как на неполноценное, рабское стадо, на ярёмный скот, эти «сверхчеловеки» стали настоящими рабами своей мнимой избранности, которая сгубила их.

Полистаем некоторые исторические страницы **Древнего Вавилона**, помня миф о **Вавилонской башне**. В мифе Вавилон – как прообраз мира, собравший многие народы для **строительства общего дома**, Вавилонской башни. Они говорили на одном языке и понимали друг друга, но башня не была достроена, потому что потом люди возгордились перед Богом, тщились башню поднять выше Божьего престола, и Он их наказал: они утратили общий язык, они не могли больше договориться. В **книге Бытия** сказано: «...*Смешаем там языки их, так чтобы одни не понимали речи другого...*»

Учёные объясняют происхождение мифа следующим образом: «**“Вавилон”** означает на вавилонском языке **“врата божьи”** (*баб-илу*), а на древнееврейском

языке сходно звучащее слово “*балал*” означает *процесс смешения*. В результате звукового сходства обоих слов Вавилон легко мог стать символом языкового хаоса в мире, тем более что был многоязычным городом. Не нужно также удивляться тому, что евреи видели в Вавилоне и его пирамиде олицетворение дерзости и греховности по отношению к богу. Вавилонские цари построили пирамиду, используя труд рабов и военнопленных, согнанных из разных стран света...» Так, миф о Вавилонской башне преобразил в народную мудрость, в назидание исторический факт, художественно его переосмыслил и дав оценку. Миф создал ещё одну модель человеческого поведения, показав её итог. Как писал **Пушкин**: «Сказка – ложь, да в ней намёк, добрым молодцам урок!»

Неужели до тех пор, пока люди не научатся договариваться, не перестанут кичиться друг перед другом и воевать, впадая в пещерную дикость, не станут следовать Божеским заветам, над ними будет довлеть **проклятие Вавилона**?

«...**Царь Вавилонии Навуходоносор II**, в VII веке до н. э. после разрушения Иерусалима и ликвидации Иудейского царства положивший начало рассеянию иудеев и одному из многих переселений народов, был и строителем. Именно при нём сооружалась Вавилонская башня и прославленное чудо света – висячие сады Семирамиды (пирамида в семь ярусов). Но вот незадача: женившись на египетской царевне, Навуходоносор заимел при дворе огромный штат египетской челяди: земледельцев, садоводов, цветоводов, геодезистов, учёных-звездочётов. Они-то и внедрили нильскую систему водоснабжения на реках Тигр и Ефрат. Вавилон стоял на реке Тигр. Что египтянину здорово, Вавилону – “карачун”. Заболотив мягкие почвы, “чужое мудрствование” уничтожило не только саму башню и сады Семирамиды, но и землю, и этнос, её населяющий, и великую культуру, восходящую к III тысячелетию до н. э.» Такова цена тщеславия! (*Цитату я взяла из книги Т. Фроловской о Л. Гумилёве «Евразийский Лев», 2012.*)

Молодой **Александр Македонский** тоже искал славы. Родом он был из маленькой страны на Балканах, такой же маленькой, как Монголия Чингисхана. И Македонский, и Чингисхан захотели сделать свой народ и себя великими. Память о них жива до сих пор во всем мире, и у нас, в Великой степи. Александра азиаты называют Искандером. **Абай** посвятил ему поэму «**Искандер**» (её перевёл русский поэт **Евгений Винокуров**).

Поэма «Искандер» весьма поучительна и написана в притчевой манере, суть которой – трагический путь завоевателя мира, царя царей: «*Оружьём покорив народы, он власть на силе основал*», и только одну крепость с золотыми воротами он взять не смог. Это была обитель Бога. Ветхий старец при воротах вышел к нему со словами: «*Хоть всей вселенною владей, / Ты сам же раб своих затей, / Себя смири! Не задавайся! / Ты честолюбец, ты злодей!*»

Искандер попросил хоть какой-нибудь дани, и старец в щель открывшейся двери просунул свёрток, в котором была обычная человеческая кость. Искандер, конечно, вспылал, оскорбился, но гнев гордеца смирил его друг и советчик, его учитель Аристотель: он сказал, что кость дана властителю не зря – тут скрыт глубокий смысл, и показал Искандеру этот смысл. Аристотель положил на одну чашу весов глазничную кость, которую дал Искандеру старец у запертых ворот, а на другую чашу – золото, кольцо Искандера, его громкие победы. Всё перевесила малая кость! И только горсть земли, брошенная на весы, одолела

осколок черепа: чаша весов пошла вверх. Удивлённый Искандер потребовал растолковать это «чудо», и мудрец ответил: *«То кость глазничья. Алчен, лют / Взор человека. Адский труд / Глаза насытить! Горсть землицы / Насытит, лишь когда умрут! / В безумье алчущий живёт, – / Он вечно давит кровь и пот... / Глаза ж его, когда погибнет, – / Такая кость, как эта вот (...) / И вот владыка из владык / Главою гордою поник. / Он понял всю тщету мирского, / И к дому двинул напрямик...»*

Притча Абая перекликается с **библейской притчей о Валтасаре**. Жизнь победоносного Валтасара тоже взвесили на небесных весах:

*В роскошном шатре, где светильников жар,
Пирует и славит свой трон Валтасар:
Он лучший правитель из лучших времён!
У ног его ныне лежит Вавилон (...)
Но видел начертанный в воздухе рок
Великий провидец, суровый пророк.
И рёк он, давно уж печален и стар:
«Я знаю, что будет с тобой, Валтасар!
Безумец! Гляди, ведь у ног твоих – прах,
И взвешена жизнь на небесных весах,
И жизнь твоя, в чаше твоей золотой,
Совсем невесома, как воздух пустой,
А царство твоё, под бряцание лат,
Враги раздерут, словно ветхий халат...»
О щит закопчённый ударился щит.
И царство распалось. И царь был убит...*

В книге **«Конец и вновь начало» Лев Гумилёв** тоже пишет **о Вавилоне**, рассуждая о судьбе **Александра Македонского**: «...Один за другим падают среднеазиатские города. Сопrotивлялись они отчаянно, как не сопротивлялся Запад, так, как не могли сопротивляться персы. Вернулся Александр почему-то **в Вавилон**, который был уже заброшенным городом, но с историческими традициями, неудобный как столица, но шикарный. Александр объявил его столицей своей империи и вскоре умер... А теперь попробуем разобраться, что ему, Александру, было надо... **нужна была ему слава**, чтобы о нём говорили потомки в веках и по всему миру. И этой цели он достиг.. Но вот вопрос: а что такое слава? *“Ни съест, ни выпить, ни поцеловать”*. Для чего она? Она ничего не обеспечивает: ни своей жизни, ни богатства, ни потомства. Для неё Александр умер в 33 года от истощения, возможно, даже от яда, оставив потомство, обречённое на гибель, потому что его детей прикончили его полководцы, разделившие доставшееся им наследие. И несчастных жён его убили. Для чего он всё это делал?..»

«Ты молод, вижу я! За славой / Привыкнув гнаться, ты забыл, / Что славы нет в войне кровавой...» – поэт и воин Лермонтов это понял, участвуя в русско-кавказской войне.

Герой Плевны и других победоносных походов, боевой генерал **М. Д. Скобелев** в своих **«Заветах славянству»** говорил: *«Знаете ли вы, что такое война?»*

Это такое несчастье, такое бедствие, что желать её – величайший грех, и, напротив, её надо избегать всевозможными способами. Сохрани меня Бог от войны с кем бы то ни было...»

Казак Скобелева Михаила Дмитриевича весьма уважали: почти в каждом казачьем доме был портрет славного генерала – чуть ли не рядом с божницей. Молились ему, не проигравшему ни одного сражения, смелому, дерзившему царям, заботливому к простым солдатам, мудрому полководцу. Но если бы люди следовали своей же мудрости! У генерала Скобелева есть продолжение цитаты: *«Но чтобы подражать с немцами – готов отдать десять лет жизни! Худой народ...»* И дрался! А куда было деваться, если немцы не оставляли попыток завладеть Россией? И бок о бок с ним воевали **казаки** – на всех направлениях, в том числе и в **Средней Азии**. Об этом вспоминал поэт **Юрий Бек-Софиев**, чей дед-казак, **Николай Семёнович Родионов**, бывал в среднеазиатских походах Скобелева:

*А вот мой дед, майор уланский,
Со Скобелевым говорит,
А по дороге Самаркандской
Усталый ослик семенит...*

Среди азиатов Скобелев не герой, а кровавый завоеватель и колонизатор, и к нему относятся так же негативно, как на Кавказе к Ермолову, или в Казахстане к Ермаку, но **поэта Юрия Бек-Софиева** почитают. Он любил казахстанскую Азию, называл своей родиной. В очерке **«Возвращение на Родину»** писал: *«...Я вам покажусь странным романтиком, но ещё с детства меня влёт этот край. Пустыни. Горные тропы. Тянь-Шань. Камыши Балхаша. С юных лет я неисправимый охотник. Кроме того, Алма-Ата – крупный научный центр...»*

О Туркестанском крае рассказывал ему дядя из казачьего рода Родионовых: *«Он когда-то служил ветеринарным врачом в городе Верном. И когда приезжал по своим делам в Россию, неизменно посещал деда в Старой Руссе (Юрий с родителями жил там до эмиграции. – Н. Ч.). Развесив уши, с разинутым ртом, с волнением и восторгом я слушал рассказы дяди о далёком и загадочном крае. Дядя был радикальным русским интеллигентом, естественно, враждебно относился к монархическому режиму, к деятельности Николаевского правительства. К местному же населению, к “теземцам” проявлял уважение и симпатию. Рассказывал, что “киргизы” – народ хороший, приветливый, очень гостеприимный. Ведут кочевой образ жизни, кочуя со своими отарами овец, стадами верблюдов, косяками лошадей по обширным степям и полупустыням нашей Средней Азии. Среди русской интеллигенции имеются единицы ассимилированных азиатов, выходцев из кочевых племён...»*

Дядя – страстный охотник и рыболов – рассказывал о тиграх и кабанах, горных козлах и архахах, о красавцах-фазанах, о дрофах, о каких-то бульдуруках, о вкусных рыбах с очень ядовитой икрой.

– Вот приедешь ко мне погостить, побродим с тобой по камышам Балхаша, Или, Чу! Постреляем, порыбачим. Кто знает, может, увидим следы тигров, – говорил дядя.

Я был в восторге! Охотничье Эльдорадо!

Дядя подарил мне **романы Н. Н. Каразина** об этом загадочном, желанном для меня крае. Но грянула война 14-го года. Дядя ушёл с полком на фронт, и вдруг – “пал смертью храбрых”, как писали в официальных извещениях, от случайного снаряда, залетевшего на его ветеринарный пункт...»

Юрий Бек-Софиев приехал в Алма-Ату после смерти Сталина, в 1955 году – из эмиграции, и остался тут навсегда, выдохнув: «Дома!» Он написал немало поэтических строк об Азии и её людях, которых полюбил всем сердцем. Потомственный военный из казачьего рода, он ненавидел войну, рано узнав её жестокость и бесчеловечность. Он бы мог сказать вслед за Лермонтовым, которого любил всю жизнь, что «*славы нет в войне кровавой*». Мальчишкой-кадетом он был вовлечён в Гражданскую войну, во Вторую мировую был в рядах французского Сопротивления, был угнан в Германию, где работал на химическом заводе и продолжал вести борьбу с фашизмом. Чудом выжил. Писал:

*Нет, сердце, молчи, молчи!
Нельзя украшать войну,
Ни ярость, что славят мечи,
Ни мертвенную тишину.
Пустые глазницы шлем
Прикрыл.
Эту повесть не множь.
Ненависть, злобу, ложь
Нельзя украшать ничем!*

* * *

Жажда славы, первенства – как инструмент геополитики. В геополитике, особенно если правители теряют берега и забывают о своём служении народу, не стоит искать нравственности, высокоумия или добрых побуждений: чаще всего их там нет. Выгода, власть, алчность, тщеславие, самоутверждение любым путём, равные **умопомрачению**, парят, словно хищные птицы, словно степные коршуны, над чувствами, а порой и жизнями маленьких человек. Разве безумный понимает, что он творит? Хорошо, если он придёт в сознание и ужаснётся своим деяниям, и раскается, и попытается всё исправить, но так – увы! – бывает нечасто, да и разрушенное не всегда можно восстановить. Что-то утрачивается навсегда – в природе, в обществе, в человеке.

Если же смотреть на миграцию народов, на захватнические войны философски, то Земля вообще-то ничья – она принадлежит Богу, мы на ней гости. Голод, жажда, инстинкт продолжения рода гонят нас по этой Земле, как гнали её первых обитателей – динозавров, мамонтов и прочих. Территории человеческого обитания неоднократно переходили из рук в руки, и каждый народ считал их своей родиной, оставляя в культурных слоях земли артефакты своего пребывания: созидания и разрушительной деятельности, а также свой прах, ставший этой землёй. «*Мы ложимся в неё и становимся её, / Оттого и зовём так свободно – своею...*» – писала **Анна Ахматова**. Например, по Черноморскому побережью России остались следы скифов, древних греков, татар, турков, армян, итальянцев, иудеев и т. д. Кого там только не было! И все считали эти земли своими. Возникали империи, завоёвывали чужие

страны, смешивали свою кровь с аборигенами. Рождались новые этносы. Потом империи распадались: римская, византийская, китайская, монгольская, османская, англосакская, российская, советская и т. д. Теперь на закате американская, которую нередко называют «империей зла». Любые имперские замашки – зло! *«Покорились вольные народы, / Только смотрят с ненавистью вслед...»*

ЦЕЛИНА ЖИЗНИ

По этой старой колее,
По целине, сухой и бедной,
Прошли народы, и во мгле
Они растаяли бесследно.
И мы идём. И от тепла,
От наших ног босых пробилась
Трава из праха и взошла –
И вновь пустыня оживилась!

Несмотря на все усилия Российской империи, пахать и сеять казахи не хотели, уходя всё дальше в Степь, но всюду стояли **казачьи пикеты** и простирались крестьянские пашни. Окончательно хлебопашество в нашу Степь пришло в 50-е годы XX века, во **времена Хрущёва**, когда началась **Целина**. Огромные пространства Великой степи были распаханы – вместе с бывшими выпасами, казахскими мазарами, местами древних кочёвок. Земля ушла из-под ног! Пыль от вспаханной целины долетала до Алтайского края – машины днём передвигались с зажжёнными фарами.

Со всех концов советской страны ехала на целинные земли молодёжь – за романтикой, за новой жизнью, за судьбой. Такой духовный подъём был! Столько героев появилось! Столько новых песен! Радио в нашем доме день и ночь пело: *«Едем мы, друзья, в дальние края! Станем новосёлами и ты, и я!»* Так на долгие годы закладывалась продовольственная безопасность страны. Нынешние политологи говорят: *«Скоро те страны будут в лидерах и выживут, у кого есть плодородная земля, еда и вода, а не золото или нефть»*. **Еда и вода снова станут править миром!**

Лучшая в мире пшеница поднялась на освоенных землях – на слезах степных аксакалов, которые наблюдали экологическую катастрофу: распаханые пастбища больше не возродились. Они погибли.

Но сколько раз уж было в истории человечества: где шумели моря – легли пустыни и солончаки, где сплетались корнями леса – простёрлись степи, а деревья превратились в залежи угля, где зеленела жизнь – нагромодились льды. Человек наблюдал эти природные катаклизмы, как предвестье конца света. Но «свет» не кончался. Ландшафты снова менялись: морями заливались цветущие города и пашни, степи уступали место пустыням, вечная мерзлота прорастала лесами, пустыни украшались оазисами, раскалённый песок охлаждали волны синих морей.

Молодость не оглядывается на старость, на прошлое, а политики – на ропот людей. В конце концов люди привыкают, приноравливаются к любой реальности.

Целина – это ещё и любовь, и многонациональные семьи. Везло не всем – о том частушка, сложенная сибирскими казаками Алтая, в **Мал-Нарымке**, а спела мне её **казачка Люба Медведева**:

*Сеял редьку и редиску –
Никотора не возила.
Сватал русску и киргизку –
Никотора не пошла!*

Видать, жених-то, хоть и любил **«махтаралиться»**, как говорят казаки в Мал-Нарымке, то есть хвастаться, мол, любая за него пойдёт, но был так непутёв и неказист, что даже при дефиците парней ни одна невеста не глянула в его сторону. Глагол **«махтаралиться»**, вероятно, образовался от казахского слова: **«мактану»** – **«хвастовство»**. Так что брачный союз всё-таки случился – в языке, между словами!

А вот в **роду Бутаковых** межнациональный брак состоялся на деле: **моя тётушка, казачка Вера Павловна Бутакова**, вышла замуж за **молдаванина Ивана Руссу**, который прибыл из своей тёплой виноградной республики в суровые зимы Павлодарского Прииртышья – поднимать целину. Вера Павловна и сама за освоение целинных и залежных земель была удостоена наград, но главная награда – дети. Трёх сыновей, трёх красавцев подняли они – вместе с целиной. Молдаване по отцу, они считают себя потомственными казаками, ибо мать – казачка! Дети разных народов заселяли нашу Степь и делали её ещё более многоликой.

* * *

Шиповник так благоухал,
Что даже превратился в слово...
Анна Ахматова

...Налетевший ветер перелистал страницы книг, разложенных на столе. Листает, листает, а они – пустые, белые. Ни единой строчки. Какой странный сон... Да какой же сон, если я иду по бесконечной зимней целине, проваливаясь в снег, а он почему-то пахнет цветущим шиповником. Кусты шиповника в белых розанах украшали в моём детстве зелёные поляны **Полковничьего острова**, где я жила посреди Иртыша, пылали под окнами дома с мансардой, светились в сумерках густого леса. Потом цветы опадали лепестками белого снега. Как его много! Оглянулась – цепочка моих следов по снежной целине превратилась в буквы, в слова. Нет, всё-таки сон... Надо сильно зажмуриться, а потом быстро открыть глаза, проснуться. Проснулась! Проснулась – и обнаружила себя в казачьем седле, хотя никогда прежде на коня не садилась. Но, видимо, раньше, в другой жизни была наездницей и теперь вспомнила себя. И вот я лечу – только ветер свистит в ушах, сердце колотится... Или это копыта стучат, высекая искры? Искры загораются строками, строки – превращаются в образы, образы – в мою жизнь, а жизнь – снова в строки. И я уже запуталась, где книжная правда, где моя, где фантазия, где реальность, где сон. Свистит ветер, звенят подковы, несётся мой казачий конь! Запала я его. Остановимся,

передохнём, оглядимся: куда нас ветер занёс?.. И за спиной, и впереди – целина: пустая, не заполненная мной страница. Пойдём с конём по целине. Конь мой на ходу щиплет травку, пьёт воду в дождевых озерцах – она чистая. Конь всегда пьёт только чистую воду... Уже весна. Не заметили, как наступила. Шиповник цветёт, овевая воздух нежным ароматом. Над ним хлопочут первые пчёлы. Конь отмахивается от них рыжим хвостом. В лунках от его копыт гнездятся птицы. Где пройдем – там протопчем тропы новых строк или возродим старые: они пробьются сквозь песок и травы целины, мы ступим в следы наших предков, которые прошли здесь много веков назад... Светает! Отпустила коня пастись, а сама примостилась на сухой кочке холма. Господи, какая красота, какой простор! Великая степь! Свободная, как дыхание полной грудью, как раскинутые крылья гигантской птицы. В небо уходит. И от края земли, от дымной кромки отрывается огонь – солнце встаёт! Хочется кричать от восторга, от первобытного ликования перед огненным ликом могучего повелителя Жизни, хочется лететь вслед за ним, как облако, как ястреб, как ветер.

И вот я снова мчусь на отдохнувшем моём аргамаке, таком же золотогривом, как солнце! Мчусь по необъятной азиатской степи – с дымками войлочных юрт вдали, и прядями вихря летят мои распущенные волосы; скачу среди зелёных русских долин и светлых берёзовых рощ, с белыми церковками на холмах; качаюсь, как в зыбке, между жёлтыми горбами верблюда, плывущего по бесконечным пескам пустыни – верблюжий караван ведёт смуглый караван-баши, обмотавший голову пёстрой тканью, а коня моего он ведёт в поводу; дремлю, сквозь прикрытые веки наблюдая чудесные миражи: белые города, пальмы, волны морей, удлинённые фигурки женщин с корзинами на голове, а в корзинах – урюк; тащусь в арбе по опасным каменистым дорогам Кавказа с пропастями внизу, и ко мне, забыв про дорогу, всё время оборачивается арбакеш, сверкающий бешеным глазом разбойника, отчего замирает сердце; стою, раскинув руки, на берегах великих морей – Белого, Чёрного, Средиземного, Азовского, Каспийского; мои ноги омыают волны Тихого океана, дышит мне в лицо холодом Северный Ледовитый океан, куда донес мою рыбацкую шхуну Иртыш; переправляюсь на узких стругах через бурные реки, обходя коварные пороги.

И всюду – новые земли, разные народы, среди которых ищу я родню – **ищу себя**, вглядываясь в лица не только русских людей и казаков, но и казахов, ногайских, крымских, сибирских татар, бывших болгар, монголов, балкарцев, черкесов, кабардинцев, лезгин, чеченцев, армян, персов, арабов, туркмен, иудеев, греков, турков – и многих, многих других, чьи имена я даже не знаю, – всех, кто поделился с моим казачьим родом своей кровью, а значит, и частью души. Всю душу отдать невозможно!

Продолжение следует.

